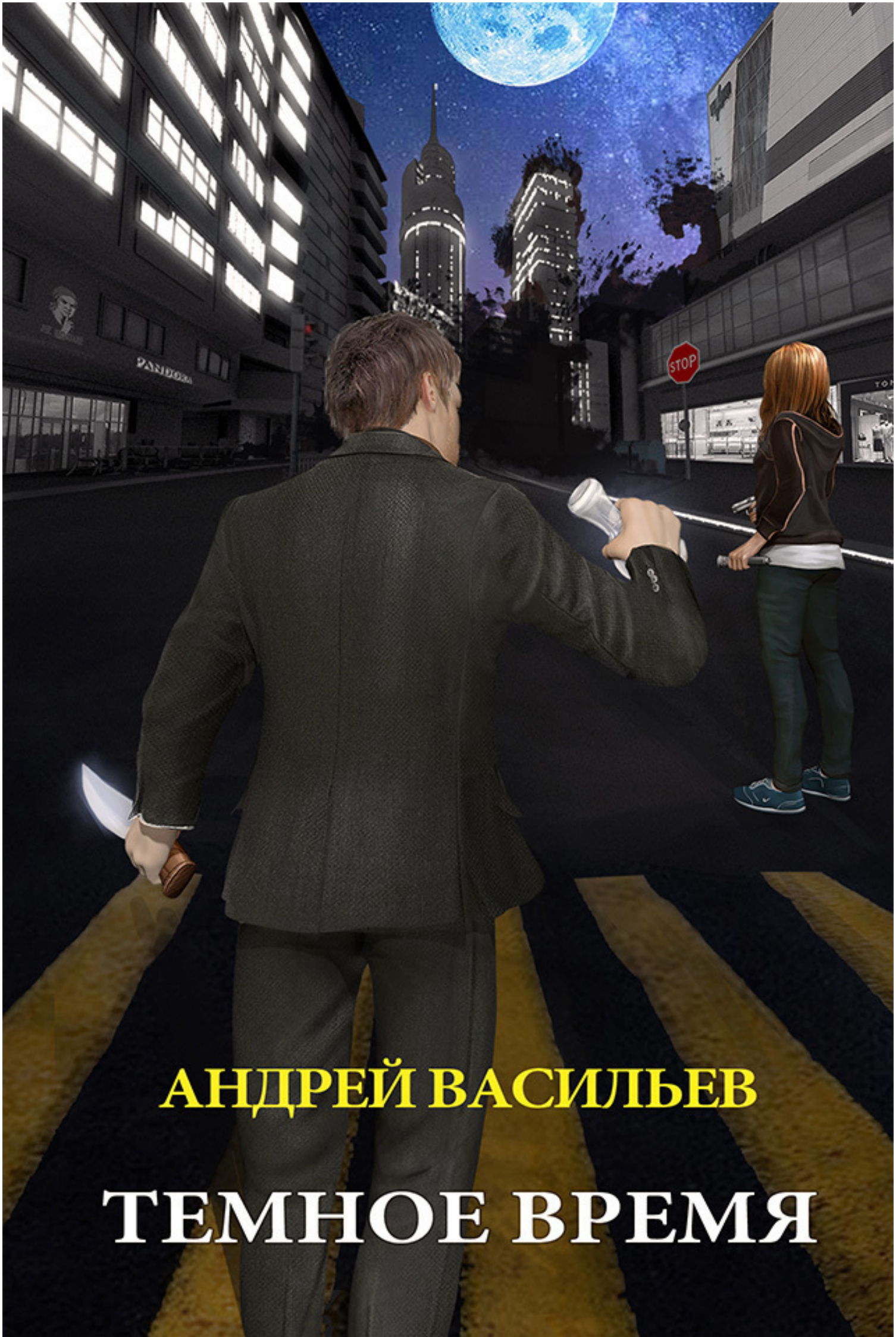

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТЕМНОЕ ВРЕМЯ

А.Смолин, ведьмак

Андрей Васильев

Темное время

«Автор»

2019

Васильев А. А.

Темное время / А. А. Васильев — «Автор», 2019 — (А.Смолин, ведьмак)

В Москву снова пришло лето, а с ним на голову ведьмака Саши Смолина свалились новые неприятности. Как поведет себя молодой ведьмак, попав под пресс проблем? Сломается или станет сильнее? Ведь именно от этого зависит то, как ему жить дальше. И жить ли вообще…

© Васильев А. А., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 15
Глава третья 23
Глава четвертая 32
Глава пятая 40
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Андрей Васильев
Темное время

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

– Скоро будем на месте, – задушевно, почти по-свойски, сообщил мне Петр Францевич, поелозив задом по мягкой коже автомобильного сиденья. – Почти приехали.

– Ага, – стряхнув с себя дремоту, подавил зевок я, прикрыв ладонью рот. – Это хорошо.

Спать хотелось неимоверно, так, что хоть распорки в глаза вставляй, чтобы они не слипались. Но оно и не странно, за последние два дня я толком ни разу не прикорнул, и как раз сегодня собирался отоспаться от души. Вот только не удалось, поскольку Вагнер начал мне названивать ни свет ни заря. Ну да, я сам обещал позвонить, и все такое, но в конце-то концов, некто Смолин ведь хозяин своему слову? Хозяин. Сам дал, сам обратно взял. Может, звучит не слишком красиво, но я никогда и не являлся эталоном добросовестности. Сейчас, глядя правде в глаза, уже можно смело говорить о том, что правильно мне в банке повышение не давали, ибо я ленив и безынициативен. Тем более что речь идет не об отказе помочь страждущему Арвену в целом, а только о том, чтобы перенести визит с сегодняшнего дня на завтрашний. Мысль отказаться от данного обещания целиком, да еще вот так, в одностороннем порядке, мне и в голову прийти не могла. Покон не велит. И недавно обретенные принципы тоже.

Вот только не получилось у меня отвертеться от выезда к страждущему приятелю Вагнера, увы и ах. Петр Францевич, поняв, что я, похоже, сегодня никуда ехать не собираюсь, с истинно немецким усердием пошел на приступ, приблизительно так же, как его далекие предки, наемные ландскнехты, на какой-нибудь европейский городишко во время Тридцатилетней войны. Дескать – совсем плох Руслан, дышит через раз и собирается отправиться в Страну Вечной Охоты. Причем это он мне сообщил не по телефону, который был отключен практически сразу, после его третьего звонка, а через квартирную дверь. И ведь вызнал, поганец такой, каков мой адрес проживания.

Квартиру поменять, что ли?

Мне, если начистоту, этого самого Руслана было не сильно жалко, поскольку я с ним совершенно не знаком, но маячившая впереди неплохая прибыль сделала свое дело. И я сейчас не только о деньгах говорю.

И вот результат – мы с Вагнером сидим в машине и с не очень большой скоростью перемещаемся по Рублево-Успенскому шоссе. Интересно, а тут вообще бывает так, чтобы «пробки» отсутствовали? Казалось бы – десять утра, кто в область в таком количестве ехать может? Ладно в Москву, это понятно. Но из нее-то?

С данной темы мои мысли сползли на события последних двух дней.

Припомнив большой ведьмачий сбор под дубом, я даже заулыбался. А что? Там хорошо было, зря Олег о нем отзывался как о бесполезном времяпрепровождении. И вина там попили, и пару свиненков над углями зажарили, а под конец, когда заря вовсю тронула восток, а ночную темень сменили синие предрассветные сумерки, еще и сплясали. Причем танец этот, несомненно, носил ритуальный характер, смысл которого мне и сейчас до конца не ясен. То есть – догадываться я догадываюсь, но наверняка не знаю.

Все ведьмаки, включая даже стариков, обнялись за плечи и начали медленно обходить почти погаснувший костер по кругу, полупропевая-полупроговаривая слова, от которых у меня почему-то по телу дрожь пошла:

Трибогов день дай нам долю,
Яр-яр дай нам долю,
Трибог честную,
Яр-яр честную

Ведьмачий круг вокруг костра двигался все быстрее, потухшее было пламя вдруг снова взвилось вверх, причем став каким-то серебристым, почти белым, а после еще и приняло форму старинного русского меча. И изгибалось оно так, словно плясало с нами.

Не менее странным было то, что мне, до сегодняшнего дня такой песни сроду не слышавшему, были известны ее слова, и голос мой в общем хоре не терялся. Почему они всплывали в памяти так, словно я их знал всегда, – понятия не имею.

Трибог сильный ходи до ны
пребуди во яри! Гой!
Трибог славный стани средь ны
пребуди во яри! Гой!
Трибог жгучий всполыми ны
пребуди во яри! Гой!

Огненный меч вспыхнул ярко, словно комета, тысячи искр белого пламени взлетели вверх, теряясь среди молодой листвы дуба, и в этот миг на землю упал первый солнечный луч.

Мы стояли около угасшего окончательно костра, обнявшись за плечи, и в этот момент я точно понял, что наконец-то, впервые за всю жизнь, окончательно стал своим среди своих. И это ощущение не исчезло даже тогда, когда мы все разошлись в разные стороны – кто в лес, к машинам, стоящим на потаенной полянке, кто в другую сторону, к реке, поблескивающей километрах в пяти от дуба.

Данный факт ничего не менял, для меня, по крайней мере. Просто я впервые в жизни понял смысл слова «братство». Не в его кинематографически-истасканном смысле, а в подлинном, когда каждый готов встать за каждого. Пусть даже и всего на одну ночь в году. По нашим стремным временам – уже немало.

И распрощались мы сердечно, с суровыми мужскими объятьями, похлопываниями друг друга по спине и заверениями в том, что «если чего – так я сразу».

Правда, дворничиха Фарида, которая как раз махала метелкой у моего подъезда, очень неодобрительно на это все смотрела, а когда Славы и примкнувший к ним Олег отъехали от дома, укоризненно мне сказала:

– Сашка, зачем с мужчина обнимаешься? Ну не получилось у тебя со Светка семья, и с Маринка тоже. Бывает такое. Пальцем показал, сказал три раза «талак» – и новая женщина ищи. Когда мужчина с мужчина – неправильно это. Деток не будет. Нет деток – зачем жил на Земле? Что после себя оставил?

– Добрую память, – подумав, ответил я. – Но ты, Фарида, не беспокойся. Это просто мои друзья. Я с верного пути не сверну, уж поверь.

– Генка из второго подъезда тоже сначала просто дружил, – сверля меня взглядом контрразведчика, проговорила дворничиха. – Потом начал в такой салон ходить, в который мужчина делать нечего. А потом с другом-мужчина на море уехал. Все знают зачем. Бэш!

– Какой салон? – озадачился я.

– Где женщина ногти красят, – подбоченилась Фарида. – Но то мы, нам Аллах сказал красивыми быть. А мужчина там что делать?

Аргумент был убийственный. Но меня просто так за горло не возьмешь.

– Это не про меня, – заявил я, показывая разошедшейся женщине свои пальцы рук. – Вот, смотри, сам себе ногти грызу. Без посторонней помощи. А красить их и в голову не приходило.

– И все равно – женщина тебе надо, – подытожила Фарида. – Нельзя мужчина без женщина. Мужчина без женщина своя голова не хозяин.

– Это да, – признал я. – Ладно, спать пойду.

Хорошие все же люди вокруг меня живут. Вон переживают. Приятно.

Вот только поспать мне не удалось. Спасибо Родьке, который сам, между прочим, очень неплохо выдрыхся в моем рюкзаке, куда я его определил еще там, у дуба.

Развеселая компания слуг провела ночь не хуже, чем мы, а то и получше. Их гвалт, писк и даже ругань иногда звучала так громко, что даже нас, ведьмаков, перебивала. В результате, на рассвете Родион предстал передо мной весь взлохмаченный, со стеклянным взглядом и еле стоящий на задних лапах. Да еще и с каким-то туго набитым мешком за спиной.

Разбираться что к чему я не стал, слушать его бессвязный лепет тоже, просто запихнул в рюкзак, не обращая внимания на смешки Славы Раз и Славы Два, сопровождаемые комментариями типа «какой постыдный либерализм», и потащил домой.

Что любопытно – и в рюкзаке он не расстался с грязным и мокрым холщовым мешком, сжимая его в лапках даже тогда, когда я вытряхнул его на кресло.

– Хозяин, – сонно пробормотал он, не открывая глаз. – Эта… Я щас!

– Да оно ясно, – хмыкнул я. – Спи уж. Только дай мне эту грязь, я ее к двери поставлю.

Какой там! Так я и не выдрал у него из рук поклажу. В результате, поборовшись пару минут с упрямым слугой, плюнул на это все и пошел в душ.

Тоже мне, добытчик! «Я росу соберу, я там по опушкам пробегусь». Собрал!

И зря на него наговаривал, между прочим. В мешке, как выяснилось, все это и лежало. Я-то думал, он в него набил остатки ночного пиршества у костра, по своей природной запасливости, но оказалось, нет. Он в самом деле остаток ночи провел на лугу и в лесу, добывая все, до чего дотянулись его мохнатые лапы.

Вот только это все перемешалось до такой степени, что я провел кучу времени, занимаясь практически ювелирной работой, а именно отделяя стебельки друг от друга. А по-другому никак. Травы, особенно те, что обладают тайной силой, долго не живут. Шесть-восемь часов после сбора – и все, они уже просто сено, которым можно кормить коров. Причем шесть-восемь в самом лучшем случае. Есть такие травы, что сразу надо в работу определять, читать над ними заговор, чтобы сила не ушла, а то вовсе тереть в мелкую кашицу да смешивать с другим ингредиентом. А тут еще и Трибогов день, когда к природным свойствам добавляется искра силы ушедших богов…

Короче – пришлось спасать добытое слугой богатство, среди которого, к его чести, были очень и очень весомые по своей полезности находки.

Причем этот мохнатый прохиндей про это знал и потому не уставал себя нахваливать.

– Вот, хозяин, – распинался он, сидя на табурете и дуя чай, в котором сахара было больше, чем воды. – Пока остальные веселились, я как пчелка над лугом летал. Побежал в лес, побежал к реке. Где ты еще такого слугу найдешь, чтобы и трудолюбив был, и покладист, и верен…

– И болтлив не в меру, – в тон ему продолжил я, разглядывая пучок ревенки.

– Да, – самодовольно подтвердил Родька, но тут же сообразил, что к чему, и возмущенно пискнул: – Нет! Это уже не про меня.

– Про тебя, про тебя, – заверил его я и показал очередную травинку слуге. – Она плакала, когда брал?

– Как дитё, – подтвердил тот. – В голос. И рвал ту, что подлиннее, чтобы плести удобнее было.

Вот до чего интересная трава ревенка. Если из нее сплести тонкий венок, надеть его на шею в день, на который выпадает середина второй русальной недели, и проносить до самого заката, то ты никогда не утонешь в реке. Почему именно в реке, а не в озере или пруду – не знаю. Но факт есть факт, про это в моей книге написано, а значит, так оно и есть на самом деле. Так что сплету и буду носить, я даже «напоминалку» в телефонный органайзер себе поставил. Помощь русалок – это здорово, но лучше перестраховаться. Мне прошлого раза в Москве-реке вполне хватило для осознания того, что тонуть крайне неприятно.

Да, еще важным условием является то, что венок этот после заката надо отправить в плавание по лунной дорожке, прочерченной луной на речной глади. Без этого никак. И вот тогда «…не примет тебя текучая вода, всяко к берегу прибьет».

Хотя, может, я не так что понял? Может, она меня уже утопшего к берегу прибьет, для того, чтобы тело в земле схоронили? Но все одно надо будет попробовать. Дело несложное, тем более что и трава есть, и река есть. Я как раз в Лозовке на второй русальной неделе буду.

А «ревенкой» эту траву называют потому, что когда ее рвешь, она издает звук, более всего похожий на плач. И чем он громче, тем обильнее напиталась трава земной силой.

– Трава – что, – самодовольно заявил Родька. – Росу-то, хозяин, росу видел?

– Видел, – подтвердил я. – Молодец!

Вот тут душой не покривил. Правда – молодец. Когда только успел половину пузырька наполнить? И роса-то какая! Алмаз! Бриллиант! До чего хорош да перламутров цветом был майский сбор, который я в лесу дяди Ермолая брал, но это что-то с чем-то!

Даже здесь, на кухне, сквозь темное стекло пузырька был виден легкий свет, что источала влага трибогова утра. Как маленькая лампочка сияла. Сильная штука, ох сильная. Ей-ей, пока даже думать о том, чтобы ее в дело пускать, не хочу.

– Никак «голубец»? – удивленно произнес я, рассматривая очередное растение. – Его-то ты где достал? Он же на болоте произрастает.

– Где взял – там боле нет, – весомо ответил слуга, поднабравшийся от «обчества» неологизмов. – Знаем места.

Тоже забавная штука, хоть почти и бесполезная для использования в наше технологичное время. Голубец – это не блюдо. Это охотничья травка. Если из нее сплести оберег, разумеется, нужным образом и с правильными словами, то того, кто его при себе иметь будет, в лесу ни один зверь дикий не тронет. При условии, что этот человек, всякий раз выходя из дома на охоту, будет произносить:

Пойду в лес легко и смело
Вернусь в дом с добычей и целый.

Раньше, должно быть, очень полезная была штука, но сегодня, при почти тотальном отсутствии крупной и опасной дичи, и невероятном прогрессе охотничьего арсенала, смысла в ней особого нет. С рогатиной на медведя и луком на лося давно никто не ходит, да и осталось их в живой природе не так и много. Оптические прицелы и вертолеты сделали свое дело без всяких оберегов.

Да что там. У нас на втором этаже мальчишка живет, ему лет десять сейчас, или около того, так он корову только по телевизору в рекламе видел. И еще на обложке мороженого «Буренка из Кореновки». Вот так-то. Какие уж тут медведи и лоси…

Но выкидывать я эту травку, конечно же, не стал, пусть будет. Жизнь исключительно разнообразна. Это в Центральной полосе в лесу из живности только короеды водятся, но на ней Россия не заканчивается. А ну как меня в сибирскую тайгу судьба занесет? Там зверя пока хватает.

Короче, потратил я на эти травяные дела полдня, и только было собрался лечь поспать, как Родька начал нудеть, что у нас холодильник пустой. Нет, без малейшего прессинга по отношению ко мне, он о подобном даже помыслить не может, но все эти его причитания о том, что вот-вот голодная смерть схватит нас своей костлявой лапой за горло, и что он, когда особая нужда наступит, отдаст любимому хозяину последнюю корочку хлеба, дабы тот дальше жил, радуясь солнышку и белому светушку… Короче – такой нудеж любого идиотом сделает. Проще до магазина пробежаться, чем все это выслушивать.

И, само собой, на этом приключения не закончились, потому что в тот момент, когда я с полными сумками входил домой, из лифта вышла Маринка.

Вот вопрос – зачем она на моем этаже из него вылезла, если живет выше? Чего сразу на свой не поехать? Нет, ладно бы она ко мне собиралась зайти, но к чему тогда радостный возглас:

– О, Смолин! А ты дома?

Если ты думала, что меня нет, то зачем… И так далее.

И все, труба. Она четыре часа сидела на кухне, уничтожила треть приобретенных продуктов и безостановочно болтала. Я, если честно, даже начал подумывать о том, чтобы пустить в ход кое-какие зелья из числа тех, которые людям особо не вредят, но на время их нейтрализуют.

Нет, я люблю свою соседку. Не как женщину, разумеется, у нас с ней отношения другого порядка, я ее как друга люблю. У меня, признаюсь, таковых вообще практически нет, потому тех, что имеются, я берегу. Потому и не шуганул ее из своей квартиры, перед этим цыкнув зубом и топнув ногой.

Вот только ответьте мне, почему я должен на протяжении доброго получаса выслушивать историю про какого-то молодого сотрудника редакции по прозвищу Мамонтенок? Разумеется, мне бы тоже был не по душе гражданин, который отчего-то считает, что разбирается во всем лучше других, и изрекает свои суждения так, будто те являются истиной в последней инстанции, при этом являясь редкостным болтуном и невероятным невеждой во всех областях человеческого знания. Но мне-то с ним не работать и детей не крестить, потому я не понимаю, накой мне эта информация? И зачем мне знать, что прозвище свое он заработал за попытки копировать стиль главного редактора издания, в котором работает Маринка, и предсказуемо носящего прозвище «Мамонт».

Когда сытая, веселая и выговорившаяся Маринка наконец-то ушла домой, за окнами совсем уже стемнело, а потому спать ложиться мне смысла никакого не было. Напротив – самое время было вызывать такси и ехать на кладбище. На завтра этот визит откладывать никак не стоило. И без того уже время упустил, по-хорошему мне там надо было позавчера нарисоваться, крайний срок – вчера. Что мне Хозяин говорил? Если траву «зверобой», что на могиле отцеубийцы, брать после майского полнолуния, то сила ее будет уменьшаться с каждым днем. А луна убывать уже начала, пусть пока это и незаметно совершенно. В мире Ночи значение имеют не внешние признаки, а то, что есть на самом деле. Тут пыль в глаза никому не пустишь, все всё про всех знают.

И один из основных людских принципов: «да ладно, завтра будет день и будет пища» тоже не действует. Если ты сегодня что-то не сделал, то совершенно не обязательно, что для тебя наступит завтра. Просто потому, что этого несделанного тебе, возможно, и не хватит для выживания.

Или другой поворот событий. Я сегодня на кладбище не поеду, а завтра его Хозяин скажет, что поезд ушел, и помогать он мне не станет. Причем не только в сборе зверобоя этой ночью, но и в любом другом деле в перспективе. Причина? А вот не любит он, когда его добротой манкируют. И все. Это навсегда. Человека можно переубедить, уговорить, задобрить, подпоить, подкупить, наконец. А это существо – нет. Потому что оно не человек, и живет по своим законам, которые с нашими никак не соотносятся. Вообще. И ничего ты с ним не сделаешь.

Потому, плюнув на то, что голова у меня была тяжелая как наковальня, через полчаса я уже сидел в такси и ждал, когда «цитрамон» купирует головную боль. Само собой, у меня были зелья и подейственнеи таблеток, но в данном случае пускать их в ход было просто нерентабельно. Тем более что голова даже не столько болела, сколько гудела, что твой паровой котел. Впрочем, оно и неудивительно, все же вторая ночь без сна, а я не железный.

– Припоздал, – первым делом сообщил Хозяин Кладбища, только завидев меня. – Ленив и нелюбопытен ты, ведьмак. С таким подходом к делу тебе истинных высот не достичь никогда.

– Да я и не претендую, – ответил я. – По крайней мере – пока.

Оно можно было бы сказать что-то вроде «виноват», но не стоит этого делать. Что-что, а нехитрую формулу «виноват – плати» за время работы в банке я усвоил отлично. Она была выведена еще в «ревущих девяностых», и до сих пор определяла уклад массы областей российской жизни. Само собой, это существо не знало данной тонкости, только вот сдается мне, что оно тоже ее придерживается.

– Ну-ну, – с непонятной интонацией ответил мне умрун. – Ладно, в любом случае обещание выполню. Тем более теперь.

– В смысле? – последние слова Костяного Царя тревожно царапнули меня. – А что изменилось?

– Не лукавь, ведьмак, – посоветовал мне умрун и скрипуче рассмеялся. – И – с почином. Первую жизнь у смертного забрал наконец-то. Я это сразу почуял, как только ты в мой дом вошел.

– Да у какого смертного? – отмахнулся я. – «Пиявец» обыкновенный, его к живым причислять не стоит. Его вообще классифицировать невозможно. Это же не колдун, не кровосос, не ходячий мертвец. Он, скорее, инфернальный трансгендер, существо вне категорий.

– Может, и так. – Хозяин Кладбища встал со своего гранитного трона. – А может, и нет. Ты видишь одно, а я другое. В любом случае, выигрыш за тобой, ведьмак. Ты жив, он мертв – чего еще желать?

Ну да, и Нифонтов тогда что-то подобное говорил, мол, странный «пиявец», вместо того чтобы сдохнуть, наоборот, силы набрался немеряной. И на меня поглядывал при этом.

Выходит, он все же был не ходячий потенциальный труп?

Наверное, мне стоило испытать укол совести или начать рефлексировать по поводу того, что я прикончил не просто ошалевшую от крови тварь, а сущность, которая все же умудрилась сберечь свою душу, несмотря ни на что. Я так понимаю, речь об этом идет. Не о том, что я убил тело, это-то как раз ерунда.

Но – нет. Ничего не шелохнулось. И не потому, что я сам потихоньку начал терять связь с привычным миром, а потому, что очень хорошо помнил схватку в недостроенном доме, рот этой погани, полный острых зубов, раздвоенный язык и алчный взгляд, который сулил мне изрядные муки перед смертью. Поди, заживо он меня жрать бы стал, не иначе.

Так что убил – и убил. Все равно это раньше или позже случилось бы, не сегодня, так потом. Кащеев наследничек тоже, между прочим, не нежить, а вполне себе настоящий человек. И что мне теперь, проповедовать непротивление злу насилием и в стиле кота Леопольда призывать его жить дружно?

Даже не подумаю. Мне моя жизнь чем дальше, тем больше нравится, и просто так я с ней расставаться не собираюсь. Если пойму, что в драке не сдюжу, просто смоюсь из Москвы куда подальше, вот и все. Отступить – не значит струсить. Мне просто нужно время для того, чтобы набраться опыта и знаний. Главное – не прозевать первый удар. Вот это на самом деле важно.

И еще. Если Николай и Костяной Царь правы, то на улице Мораны в данный момент должен царить праздник. Она получила то, чего хотела, а именно жертву, принесенную в ее честь. Пусть это вышло случайно, но факт остается фактом. Тем более что самой Моране, полагаю, подобные мелочи по барабану, поскольку боги не люди, их интересует только собственная выгода, остальное несущественно.

Красиво изрек, кстати. Самому понравилось. Может, сделать эту фразу статусом своей страницы «ВКонтакте»?

– Ведьмак, ты идешь со мной, или дальше будешь спать стоя? – громыхнул голос Хозяина Кладбища. – Право слово, ты до того, как принял на свои руки первую кровь, был куда

сноровистей, а теперь на ходу спотыкаешься. Ведь уже прозевал полную луну, когда могильные травы входят в самую силу. И если так продолжишь, то даже с донышка ковша ничего не зачерпнешь.

– Две ночи не спал, – состроил жалостливую рожицу я. – Вот и торможу.

– И что? – нехорошо блеснули красные глаза под черным капюшоном. – Мне тебя пожалеть надо? Или всю работу самому сделать? Ведьмак, я оказываю тебе услугу, при этом ничего не прошу взамен, что в нашем мире уже большое диво. Я сам не до конца понимаю, зачем это делаю. Ты же проявляешь типично людские черты, а именно неблагодарность и наглость.

– Да я…

– Именно ты! – голос умруна громыхнул так, что мне на секунду показалось, что листья на березке рядом со мной вот-вот опадут. – Ты должен наконец разобраться с тем, кто ты есть. Если человек – так твое место вон там, за оградой. Пока – за оградой. А потом ты все равно окажешься здесь, но не как мой гость, а как мой раб, и будешь служить до той поры, пока я не сочту все земные долги уплаченными. Но если ты ведьмак, если ты Ходящий близ Смерти, то забудь все эти свои ужимки из прошлой жизни. Мысль должна быть острее стилета, а действия продуманны и своевременны. И ты всегда должен быть настороже. Всегда! Врагов у тебя теперь куда больше, чем союзников. А те, кто кажется тебе другом…

Черная тень молнией скользнула среди могил, и мое горло оказалось сжато невероятно крепкой дланью. Когти-ножи уперлись в мою щеку, только чудом ее не разрезав.

– И что ты теперь будешь делать, ведьмак? – капюшон приблизился к моему лицу, сквозь серое марево внутри него я смог различить жуткие черты того, кого звал Хозяином Кладбища. Не знаю, из каких глубин мироздания выбралось это существо, но человеком оно никогда не было. По крайней мере, мне так показалось. Ну да, я помню, что по идее он первый, кто был похоронен на этом кладбище, вот только… Не человек это, без вариантов. – Скажи?

– Не дергаться, – осторожно произнес я. – А то щеку разрежете. Не хватало только взбудоражить ваших постояльцев запахом свежей крови. Ведьмак-то я ведьмак, но в моих венах пока она струится, а не что-то другое.

– Хм, – пальцы разжались. – Забавный ответ. Но разумный.

Интересно, а голова у меня прошла от того, что «цитрамон» подействовал, или от страха? И главное – сонливости как не бывало. Но с этим как раз все ясно, после такой жути я, наверное, еще неделю спать не смогу. Хорошо хоть штаны не намочил, вот стыдобища бы была!

– Твой путь и так не прост, – прогудел умрун. – Он представляет собой узкую тропинку между Жизнью и Смертью, и если ты с нее сойдешь, то обратно уже не вернешься. А ты, вместо того чтобы смотреть под ноги, еще и повязку на глаза надеть пробуешь. Не испытывай судьбу, ведьмак, она щедра лишь до поры до времени.

Вот тоже вопрос – чего он так обо мне печется? Сам сто раз говорил о том, что я его развлекатель – и не более. Мол – твое существование для меня не значимее пылинки, танцующей в лунном луче. А сейчас как отец родной поучает. Бескорыстия в мире Ночи нет и никогда не будет, значит…

Значит – что? Пока ответа нет. Но искать его нужно. Хотя бы для того, чтобы понять, кем я для Костяного Царя являюсь на самом деле.

Или чем.

– Знаю. – Я потер горло, на котором наверняка еще долго будут видны отпечатки пальцев. – И про тропинку, и про судьбу. Просто не все сразу получается так, как хочется. Но наглеть я и не думал, что вы?

– Н-да? – призадумался умрун. – А мне уж было показалось… Ладно, пошли к могиле. Майские ночи короткие, не успело солнце сесть, как обратно на небо лезет. «Зори целуются», так когда-то смертные про это время говорили.

Могила отцеубийцы, как он и говорил мне в нашу прошлую встречу, в самом деле оказалась не так и далеко от его трона. Я, кстати, вспомнил эту могилу, поскольку тут пару раз бывал. И еще припомнил неприятный озноб, который тогда пробегал по моей спине. Теперь понятно почему. Мерзкое местечко, оно просто-таки провоняло злобой и отчаянием.

– Ну вот. – Костяной Царь показал мне когтем на скукожившиеся белесые цветочки, еле держащиеся на желтоватых стебельках.

И это «зверобой»? Сроду бы не сказал. Между этой бледной немощью и его ярко-желто-зеленым луговым сородичем разница такая же, как между трубой и валторной.

Но не это главное. Что-то тут не так. Не скажу, что именно, но у меня есть четкое ощущение неправильности происходящего. И еще – нависшей угрозы. Нечто невероятно злобное находится совсем рядом со мной, и не впивается мне в глотку только потому, что его сдерживает некий запрет.

– Рви, – велел умрун. – Чего ждешь?

– Не-а, – покачал головой я. – Не стану. Эта могила не пуста. Там кто-то есть.

– Молодец, – усмехнулся Костяной Царь. – Учуял или догадался?

– И то, и другое, – выдохнул я. – То есть – он там?

– Там, там, – подтвердил умрун. – Уж, почитай, лет сто. И лежать ему до той поры, пока последний гвоздь его гроба не станет ржавой трухой, последнюю кость его тела не сточат черви, а надгробный камень не уйдет под землю целиком. А это – долго. Очень долго.

Ишь ты! Гвозди, кости – это ерунда, органика, сотня-полторы лет, и нет их. Но вот камень – это да. Это сильно.

– Вылезай уж, – приказал умрун. – Покажись гостю. И не скрипи зубами, он не по ним.

Все-таки это оказался призрак. Я уж, если честно, начал ждать некоей голливудщины, руки, вылезающей из-под земли, и всего такого прочего. Но – нет. Просто призрак. Правда, мерзкий донельзя, чем-то напомнивший мне пакостного перерожденца из зернохранилища. В первую очередь – чернотой внутри, там, где у человека желудок находится.

Может, правы японцы, и душа живет в животе? Если да, то у этого господина она вконец прогнила.

– Ишь как он на тебя смотрит, – чуть ли не с одобрением заметил Хозяин. – Так бы и сожрал. Верно ведь? Сожрал бы?

– Сожрал, – подтвердил призрак, алчно буровя пустыми глазами мой кадык. – Всю кровь высосал бы! И душу… Душу!

– Не хочешь его отпустить? – вдруг предложил умрун. – Я разрешаю. Сам посуди – раскаяния от эдакого негодяя ждать не приходится, он закоснел в злобе. А ну какого случайного прохожего сюда занесет, и тот с его могилы хоть листик поднимет? Тогда тому человеку беды не миновать.

– Значит, судьба у него невезучая, – и не подумал соглашаться я. – Плюс – нечего просто так, без дела, по кладбищам шляться. Это не парк, тут аттракционов нет и мороженым не торгуют.

Костяной царь наклонился к могиле, шепнул себе под нос нечто неразборчивое, как видно, некий заговор, без которого эту травку не возьмешь, после сорвал десяток стебельков «зверобоя» и протянул их мне.

– Бери. И не забудь – сила в стеблях, а не в цветках. С дозировкой аккуратней. Этот негодяй силен, как ты видишь, в нем много загробной злобы. Если ошибешься, то отведавший зелья может навсегда потерять часть своей сути, зато приобрести кое-какие склонности вот этого мерзавца. Например, может пойти и кого-нибудь убить. Просто потому, что это покажется ему нормальным поступком.

– Ясно. – Я убрал зверобой в заранее приготовленный пакетик. – И сразу в тему – вы мне еще обещали дать заговор, который устраняет последствия этого отвара?

– Обещал – продиктую, – кивнул умрун и обратился к отцеубийце: – Постоял на земле? Поглядел на небо? И все, давай обратно, еще лет на десять.

– Отпу-усти-и-и! – проскулил призрак, глядя на меня. – Отслужу!

– Давай-давай, – убрал я пакетик в карман. – Вали в могилу. И скажи «спасибо» за то, что мне трава с нее была нужна, без этого бы ты вообще на белый свет не вылез. Я же знаю, каково твое наказание. Тебе заповедано веками пребывать во тьме, без надежды на помилование.

Ох как он на меня глянул перед тем, как снова под землю уйти. Страшное дело! Прямо мороз по коже прошел.

– Может, не так все плохо, – подытожил Хозяин Кладбища. – И я могу ошибаться. Ну ладно, ведьмак. Дело сделали, пошли, продолжим беседу.

Глава вторая

А вот дальнейший разговор с умруном у нас не задался, что меня очень расстроило. Он ходил кругами, изрекал какие-то непонятные фразы, в которых, несомненно, имелось второе дно, но нащупать это самое дно, распознать его, мне никак не удавалось. То ли ума не доставало, то ли знаний, то ли усталость начала сказываться.

Впрочем, удивителен сам факт того, что это существо, от которого даже у меня, человека более-менее привычного, иногда мороз по коже пробегает, в этот раз предпочло кривые пути вместо прямой дороги. С чего бы? Раньше за ним ни деликатности, ни толерантности не замечалось. Он что думал, то и говорил, что хотел, то и делал. Потому что здесь, на кладбище, он царь и бог. Нет над ним другой власти – ни людской, ни духовной.

И даже сейчас, в машине, мне было немного неприятно от осознания того, что я его не понял. Костяной Царь – фигура, без которой мое существование станет куда более невеселым, и в плане знаний, и в плане безопасности, потому любая шероховатость в отношениях фатальна. Ну, может, я и сгустил краски, но только самую малость.

Это вон Вагнера можно послать куда подальше, и ничего для меня в системе координат не изменится. А умрун… Это совсем другая история.

Надо будет выспаться как следует, снова нагрянуть на кладбище и там расставить все по своим местам. На худой конец честно признаться, что я не так умен, как он обо мне думает, потому лучше прямо объяснить, что ему от меня нужно.

– Приехали, – снова заелозил по сидению Петр Францевич. – Я же говорил, что быстро доберемся, потому что утро. А вот вечером… С тех пор, как честным бизнесменам запретили проблесковые маячки приобретать, так сложно стало ездить. Вот зачем это сделали? Кому мы мешали?

И столько недоумения было в голосе этого человека, что я на секунду усомнился в том, что он так умен, как про него говорят. Ну невозможно же не осознавать абсурдность сказанного?

Или возможно? Может, просто он и ему подобные настолько привыкли жить с обычными россиянами вроде бы и в одной стране, но при этом в разных ее измерениях, что иные вещи им видятся в абсолютно другом свете? Ну вот не могут они понять, почему обычным людям не нравится, когда кто-то на них сверху поплевывает? Отчего им так дискомфортно?

Впрочем, делиться с ним этими мыслями я не стал, поскольку смысла в этом нет совершенно никакого. Сытый голодного не разумеет, я это за годы службы в банке отлично осознал. Иронизируй, не иронизируй – все одно результат не воспоследует, тебя просто не услышат. Потому я молча выбрался из остановившейся машины и, упершись руками в поясницу, потянулся, разминая затекшие мышцы.

А хорошо потомок ландскнехтов устроился. Ну оно и понятно – престижное направление, элитный район, серьезная клиентура. И хорошо мне знакомый запах больших денег. Больших, но чужих.

Утреннее почти летнее солнышко омывало своими лучами пять аккуратненьких трехэтажных корпусов, стоящих между хрестоматийными левитановскими березками. По вымощенным разноцветными плитками дорожкам неспешно трусило десятка полтора сильно немолодых, но при этом поджарых мужчин в «родных» костюмах «Боско», следуя за девицей-тренером с такими формами, что даже у меня, идейного противника спорта, появилось желание влиться в их ряды.

Еще тут имелись беседки, обвитые плющом, несколько фонтанов, глядя на которые местным пациентам так чудно размышлять не только о времени и о себе, но и о судьбах отечества, пара строений неясного назначения, то ли лаборатории, то ли корпуса для проживания

обслуживающего персонала, и много чего другого. Территория позволяла. Иной аэропорт куда меньше места занимает, чем эта небольшая частная клиника.

В такой больничке полежать, это как в хороший отель съездить, скажу я вам. Не удивлюсь, если тут еще и бассейн с морской водой есть.

– Впечатляет? – уточнил у меня Петр Францевич. – Наше с Яной детище. Если бы вы знали, сколько мы сюда сил вложили, сколько души, сколько нервов.

– И сколько денег, – продолжил я иронично.

– Само собой, – и не подумал обижаться Вагнер. – Причем своих, а не заемных. Никаких дотаций, никаких субсидий, исключительно личный капитал.

Нет, надо мне выспаться. Собственно, чего я на него накинуться решил? Делает мужик свой бизнес, и делает. В конце-то концов, не наркотой же торгует, и не дурочек малолетних в Турцию продает для постельных утех? Ну а что до отстраненности данного места от широких народных масс, так подобное всегда было, есть и будет. Можно подумать, что в советское время вожди в районную поликлинику ходили.

– Нам в четвертый корпус, – сообщил мне Вагнер. – У нас там инфекционное отделение.

– Хм… – озадачился я. – Про «инфекционку» вы не упоминали. Если честно, нет у меня желания какую-нибудь заковыристую хворь подхватить, из числа тех, что воздушно-капельным путем передаются.

– Не подхватите, – успокоил меня Петр Францевич. – Просто внешний вид Руслана, он… Специфичен. По этой причине мы именно туда его и определили. Собственно, Руслан один занимает весь этаж, других пациентов там нет. Но его болезнь не носит инфекционный характер, в этом можете быть уверены. Лучшие врачи Москвы уже составили свое суждение по этому поводу, про анализы я и не упоминаю.

– Хорошо, – согласился я и снова зевнул. – Скажите, а кофе в вашем заведении есть? Засыпаю просто на ходу. Так сказать – полцарства за «Нескафе».

– Найдется, – с достоинством ответил Вагнер, а после усмехнулся. – Правда, не для всех. Гипертоникам, к примеру, его не видать как своих глаз, даже за деньги.

– Ну вопрос всегда только в сумме, – усмехнулся я.

– У меня персонал вышколен будь здоров, – покачал у моего носа указательным пальцем Вагнер. – Разумеется, прецеденты были, но нарушители вылетали с «волчьим билетом», их после этого даже в аптечный киоск на работу не брали. А оставшиеся точно знают – если что, никакие мольбы не спасут. Но у вас, мой друг, вряд ли обнаружатся проблемы с сердцем и давлением, не так ли? Кстати, не желаете после кардиограмму сделать? У нас отличное оборудование, в Германии на заказ изготовили.

– Пока ограничимся кофе, – предложил я и глянул на часы. – Но вот если бы к нему прилагалась тарелка пшенной каши на молоке, пара кусков хлеба с маслом и два-три ломтика сыра, это было бы счастье. Но утренняя раздача еды, надо думать, уже закончилась?

Самое забавное – я абсолютно точно указал блюда из «меню № 6» стандартного понедельничного завтрака. Но одновременно в этом и крылась моя ошибка. Вагнер же немец, что я у него попросил, то и получил. Просто в «меню № 3», например, бутерброды с севрюгой фигурировали, а в «меню № 9» паровые куриные котлеты с пюре, так что стоило не скромничать в своих запросах. Может, это и не такая больничная классика, как каша и сыр, но мне котлеты больше по душе. Вот только переигрывать было уже некрасиво.

Все разновидности меню я с интересом изучил в небольшой, но крайне миленькой столовой четвертого корпуса, созданной, насколько я понял, специально для тех, кто любит питаться в компании. Остальным пациентам пищу доставляли прямо в палаты. Воистину – любой каприз за ваши деньги. Сами посудите – я насчитал двенадцать видов. Двенадцать! Как видно, каждый соответствовал своей группе болящих – диететику одно, желудочнику другое, сердечнику третье.

Ну не по толщине же кошелка их формировали? К тому же, за этот забор бюджетники все равно не попадают, если тут оказался, то уже данному меню соответствуешь.

– Ну, пошли к вашему горемыке, – облизав ложку, и отпив из кружки отличного кофе, предложил я. Не из чашечки, а из кружки, предусмотрительный Вагнер отдал соответствующее распоряжение. – Сон отступил, пользуйтесь вспышкой активности. Вижу, вижу, что спешите, потому допью на ходу.

– Плохая идея, – немного удивив меня, покачал головой Петр Францевич. – Лучше я подожду, спокойно завершите завтрак. Желудок ошибок не прощает, поверьте врачу. Да и другие причины на этот счет имеются.

Смысл, который Вагнер вложил в эти слова, стал мне понятен чуть позже, когда мы наконец добрались до палаты его друга Руслана.

Черт, какая же в ней стояла вонь! Не помогали ни очистители воздуха, ни навороченный кондиционер, установленный под потолком, ни марлевая маска, которую мне вручил Вагнер перед тем, как сюда зайти. Смрад гниющего заживо тела лупанул меня как молотком по голове, я чуть «меню № 6» обратно из себя не исторг.

Про внешний вид этого горемыки я уж и не говорю. По изъеденному язвами лицу было просто невозможно понять, как этот человек выглядел раньше. Да что там! Не знай я, что это мужчина, то затруднился бы и с определением пола.

Да, это точно не типовое заболевание. Кому-то этот самый Руслан крепко перешел дорогу. Кому-то сильно непростому. Я не эксперт по проклятиям и порчам, но даже мне ясно, что его не просто хотели убить, кто-то желал, чтобы он еще и помучался. Хорошо так помучался, от души, качественно. Чтобы всю жизнь свою перед смертью вспомнил и каждый поступок в ней взвесил, точно перед Страшным Судом, но еще при жизни.

– Бо-о-ольно-о-о-о, – проскрипел голос, в котором ничего людского уже не было. Распухшие, точно оладьи, губы шевельнулись, по ним потекла зеленоватая вонючая жижа. – Бо-о-ольно-о-о-о. Э-э-э-э-э…

Мать моя женщина! Он еще и в здравом уме!

– Укол, – бросил Вагнер сестре. – Четверть дозы.

Даже знать не хочу, что именно они ему колют. Но и не осуждаю, поскольку мужика корежит очень уж неслабо.

Я с собой захватил пару зелий, тех самых, с помощью которых некогда помог господину Ряжскому во в чём-то схожей с этой ситуации. Можно было бы подарить приятелю Вагнера двадцать-двадцать пять минут без боли, но стоит ли? В данной ситуации это не благодеяние, а часть пытки, которую ему и без меня кто-то устроил.

И все же интересно, за что его вот так?

Я глянул на Вагнера и ткнул пальцем в направлении двери, давая ему понять, что пора на выход. Делать мне тут больше было нечего. Да и невмоготу, если честно, очень уж запах жуткий. Как сестры здесь подолгу находятся, в ум не возьму. Им за вредность тройной оклад платить надо. Впрочем, может, так оно и есть.

– Что скажете? – Мой наниматель стянул повязку с лица и глотнул свежего коридорного воздуха.

– Кто-то здорово рассердился на вашего приятеля, – сделал я ровно то же самое. – Уфф! Кранты ему, Петр Францевич. Я не большой эксперт по данной части, но, сдается мне, точка невозврата пройдена, и не вчера.

По лицу Вагнера ясно читалось, что: «Если бы ты сразу сюда поехал, а не ждал бог весть сколько, то ситуация могла и не дойти до такого кошмара». Но произносить вслух он этого не стал. Умный.

Да и не случилось бы по-другому. Что я сейчас не знаю, как такое вылечить, что тогда не знал. Тут эксперт нужен. Специалист узкого профиля.

– Совсем ничего сделать нельзя? – опытный и мудрый Вагнер что-то прочел по моему лицу, потому и задал этот вопрос. – Совершенно?

– Думаю, – пояснил я. – Не отвлекайте.

Хотя – что тут размышлять-то? Вариантов всего ничего. Первый – плюнуть на все, сказать, что «увы и ах», и забыть про горемыку Руслана напрочь. Второй – прибегнуть к помощи своего нового приятеля по имени Дэн. Вернее – предложить ему немного заработать. Выглядит это не сильно красиво, вроде вот только как познакомились, и сразу такие предложения, но, с другой стороны – я же не взаймы у него прошу? Деньги есть деньги, почему нет? Вот только, несмотря на наличный расчет, кое-какую услугу я ему задолжаю, а это мне не по душе. Ни к чему это сейчас, не ко времени. Да и потом – овчинка не стоит выделки, потерять я могу больше, чем приобрести.

И вариант номер три. Красавица Виктория, непостижимая и холодная, словно Снежная королева. Собственно, я сразу так и предполагал, еще тогда, когда мы с Вагнером сделку заключали. Интуиция, однако.

Основной момент один – оно мне надо или нет? Про сострадание говорить не имеет смысла, этот большой гнойник мне не брат и не сват. К тому же я понятия не имею, кто и за что его такой красотой наградил. А что если за дело? Может, он беззащитных дольщиков обманул, собрал с них денежки и дом не достроил? Или чего похуже учудил? Простые люди сюда не попадают, и есть у меня серьезное подозрение, что кое-кто из местных постояльцев на руку сильно нечист.

Опять же. Что, если я ему помогу, а потом кто-то мне за это предъявит? Ведьма какая, или колдун? Запросто такое случиться может. Скажем, кто-то их подрядил убрать этого Руслана с дороги, они честно хотели исполнить контракт, а тут я со своими кустарными методами и излишним состраданием, пусть даже и замешанным на материальной выгоде. Мне новые враги не нужны, старых хватает. А если еще учесть друзей, которые иной раз проблемы подкидывают похуже иных супостатов, так и вовсе на руках завалящей «пары» может не оказаться.

– Как он, Петр Францевич? – К нам подошла восточная женщина, красоту которой не портила даже изможденность, заметная сразу. За ее спиной стоял черноволосый и крепко сбитый подросток, почти юноша, неотрывно глядящий на дверь, ведущую в палату, из которой мы только что вышли. – Нет улучшений?

– Увы, Лиана Мансуровна, увы – всплеснул руками Вагнер. – Мы делаем всё что можем. Впрочем, я пригласил для дополнительной консультации одного очень серьезного специалиста, вся надежда теперь только на него. Собственно, вот – Александр… Мнэ-э-э…

– Просто Александр, – оборвал я его мычание. – Добрый день.

Вот не люблю я этого всего. Не люблю. Не знаю, случайно тут оказалась эта измученная неизвестностью и страхом женщина, или хитрый немец все подстроил, но не стоило этого делать. Так меня проще разозлить, чем сподвигнуть на доброе дело.

– Это Лиана Мансуровна Арвен, – представил женщину, которая не мигая таращилась на меня своими черными глазами, Вагнер. – А это его сын, Темир.

Арвен. Это не тот ли, что владелец банковской группы «Бета»? Финансовый мир сам по себе невелик, и с каждым годом стараниями Центрального Банка России становится все более узким, потому серьезных игроков на нем все знают. А «Бета» серьезный игрок, они за последние несколько лет пяток крупных, но просевших банков санировали. И зарплаты там, по слухам, неплохие, про подобные вещи в нашей среде тоже все всё знают. Помню, года полтора назад я с Кузьминой полаялся, так даже хотел им свое резюме отправить.

Вот ведь.

– Помогите Руслану, – тихо попросила женщина. – Умоляю вас! Я чувствую, что вы в силах это сделать. Не знаю отчего, но точно это знаю!

Ну что за сериальные страсти, а?

– Вам бы поспать, – посоветовал я ей. – Вон тени какие под глазами. Все уже идет так, как идет, и то, что вы себя мучаете, никому пользы не принесет.

– Вот, – почему-то обрадовался Вагнер. – Врача два, а мнение одно. Заметьте – это мои вчерашние слова.

– Я пойду к мужу. – Лиана Мансуровна накинула на плечи халат и отправилась в палату.

– Моя семья богата, – сообщил мне подросток ломким голосом, как только за его матерью закрылась дверь. – Если отец выздоровеет, то вы получите много денег, даю слово. Очень много. Если надо, я расписку напишу. Но Петр Францевич может подтвердить вам, что мужчины из рода Арвенов всегда держат свое слово. Это на самом деле так.

– Хорошо, – без тени улыбки в голосе отозвался я. – Ваше предложение мне предельно ясно, Темир Русланович. Не надо расписки.

Не подав руки ни мне, ни Вагнеру, парень отправился вслед за матерью, в удушливо-гнойный полумрак палаты.

– Хотелось бы ясности, – твердо произнес Петр Францевич. – Не обессудьте, Александр, но как врач я имею на это право.

– Бесспорно. – Мне совершенно не хотелось с ним спорить, хотя и можно было бы. – Но прежде я бы еще кофейку жахнул. Опять меня в сон клонит.

– Разумеется, – наконец-то в голосе бизнесмена от медицины я услышал раздражение. Не знаю почему, но мне хотелось его вывести из себя.

Беседу мы продолжили уже на улице, устроившись на уютной кованой скамеечке в тени высоченной липы.

– Итак. – Я отпил кофе. – Вы желаете ясности. Какой именно?

– То есть? – На лбу Вагнера запульсировала жилка.

– Так она разная, – пояснил я. – Есть ясность по поводу хвори этого господина, есть ясность на предмет того, что мы делаем дальше. И так далее.

– Хотелось бы полную, – глубоко вздохнув, произнес Петр Францевич. – Если можно.

– Отчего же нет? – добродушно согласился я. – Что до хвори, то еще у палаты я достаточно четко выразился, на мой взгляд. Вы были правы, это не медицинское заболевание, потому ваши врачи ничего сделать и не смогли.

– Ужас, – вытер лоб Вагнер. – Боюсь, вам не понять, Александр, насколько страшно мне это слышать.

– Вы на самом деле настолько дружны? – искренне удивился я. – Если это так, то примите мои извинения за неуместную иронию во время нашего предыдущего разговора.

– Да нет, – отмахнулся Петр Францевич. – Хотя – да, дружны, но речь не о том. Мне как медику страшно. Я всегда был уверен в том, что для медицины нет понятия «невозможно». Любая болезнь – это лишь предмет научного исследования. Даже если ее невозможно вылечить, то, как минимум, можно диагностировать, систематизировать и классифицировать. А сейчас я столкнулся с тем, что лежит по другую сторону научных познаний, понимаете? С чем-то, против чего бессильны лучшие из лучших. Это рушит все, во что я верил. Александр, поверьте, то, чем я занимаюсь сегодня, почти перечеркивает мою предыдущую жизнь, в которой я был врачом, человеком науки. Яна – нет, она деловая женщина, она мозг и сердце нашего дела, собственно, на ней держится бизнес. Не на мне. Я – клиницист, был им и остаюсь.

И я ему верю. Не знаю отчего, но верю. Хотя, разумеется, и не во всем.

– Это жизнь, – попробовал утешить его я. – Она любит подбрасывать сюрпризы, особенно тем, кто их уже не ждет. Ладно, продолжим. Ясность номер два. Я не смогу помочь вашему другу. Не мой уровень, да и профиль не мой. Это как если венерологу предложат лоботомию провести. В теории он что-то знает, но на практике больному ничего хорошего не светит.

– И? – поторопил меня Вагнер.

– И все, – закинул я руку на спинку скамейки. – Почти. У меня есть человек, который мог бы взяться за подобное дело. Специалист высокого уровня. Но…

– Деньги – это не проблема, – напомнил мне владелец клиники.

– Само собой, – кивнул я. – Тут другое. Она сама решает, кому помогать, а кому нет, вот в чем дело. Может случиться так, что будет сказано «нет», и здесь ничего не поделаешь.

– Договоритесь о встрече, – предложил Вагнер напористо. – Я постараюсь найти аргументы, чтобы убедить эту даму помочь Руслану.

– Любопытно было бы глянуть на эту картину, – хмыкнул я, представив, как Виктория выслушивает бизнес-предложение, а после встает и уходит, окинув нас на прощание своим ледяным и безразличным взглядом. – Да нет, милейший Петр Францевич, здесь я буду вести беседу сам. С вами она даже общаться не станет. Эта леди не практикующая колдунья, ее не наймешь и не купишь вот так просто.

С шорохом разъехались в стороны двери, ведущие в корпус, мимо нас прошла Лиана Мансуровна, давящая в груди рыдания и прижимающая ко рту скомканный платок, за ней следовал сын. Впрочем, поравнявшись с нами, он остановился сдвинул черные брови и произнес:

– Петр Францевич, мы с мамой верим в вас. И еще дед просил вам непременно сказать, что пакет акций клиники перейдет от нашего семейства в ваши руки только тогда, когда мой отец станет таким же здоровым, как и был прежде. Не раньше. И вы тоже старайтесь. Как следует старайтесь.

Ну слава богу! А то я уж в бескорыстие Вагнера начал верить, против всех упреков интуиции, которая теребила мое сознание с самого начала. Мне ведь даже неловко стало, что записал хорошего человека в стяжатели.

Пакет акций. Вот чего он бьется как рыба об лед. Ну да, серьезный аргумент, за такой можно гордость, страх и самолюбие в одно место засунуть, особенно если пакет немаленький. Не контрольный, разумеется, его бы Вагнеры никому не отдали, но процентов пятнадцать-двадцать у Арвена иметься может. Думаю, его банк поддержал клинику на раннем этапе, а как обеспечение в залог взял акции. Или вовсе их выкупил, став инвестором.

А мне лишний раз урок – не верь Вагнерам. Как он там говорил? «Свои, не заемные»? Ну-ну.

Но мальчишка молодец, хорошо держится для своих лет. Зубасто так. Главное ему понять, где проходит граница между «можно» и «перебор». Но я ему ее очерчу. Исключительно из педагогических соображений.

– Мне необязательно стараться, – сообщил я вслед Темиру. – Я клятву Гиппократа не давал, моя совесть чиста. Привет деду!

Парень остановился так, будто ему в спину снежком залепили, и медленно повернулся ко мне.

– Прежде чем вы скажете какую-то глупость, молодой человек, я должен вам напомнить, что именно они обходятся нам дороже всего, – продолжил я. – А уж каким боком встают угрозы, особенно направленные в адрес тех, кто может быть полезен в той или иной ситуации, это вообще ужас!

– Друзья! – Вагнер вскочил с лавочки. – Давайте держаться в рамках вежливости. Да и вообще… Ладно Темир, он совсем еще молодой человек, его эмоции захлёстывают. Но вы-то, Александр! Вы же взрослый человек!

– А что, собственно, такого было мной сказано? – изобразил удивление я. – Юноша рекомендовал нам с вами работать лучше, я ему объяснил, что не все в этом мире обязаны выполнять его указания.

Ну тут я душой покривил чутка, куш мне предложен достойный, но не семейством же Арвен? Или Арвенов? Не знаю, как правильно.

– Думаю, мы найдем точки соприкосновения, – мягко проговорил Вагнер. – Точнее – они ведь уже найдены, не так ли? Темир, а вы идите и поддержите вашу маму. Ей сейчас как никогда это необходимо.

Промолчал мальчишка, пошел, куда посоветовали. Но дедуле наверняка настучит, можно не сомневаться.

Нет, все-таки в такие дела уставшим ввязываться нельзя, в сотый раз себе это повторяю. И правда – чего я на этого подростка сорвался? Нашел тоже с кем меряться, кто выше на забор писает, отыскал достойного соперника. Прямо даже стыдно стало.

– И все-таки. – Петр Францевич проводил взглядом две человеческие фигуры, которые вскоре сели в автомобиль, снова уселся на лавочку и сплел пальцы рук в «замок». – Ваше решение, Александр. Я бы хотел его услышать. Тем более что теперь вы четко осознаете, насколько для меня важно исцелить Руслана. Эта клиника – мой… Наш с Яной ребенок. И мысль о том, что кто-то может прийти и потребовать ее часть, гложет нас давным-давно. Да, приходится признать, что когда мы ее создавали, нам пришлось прибегнуть к помощи семейства Арвенов, довольно влиятельного в деловых кругах. После мы не раз делали им предложения о выкупе акций, но они всякий раз отказывали. Постоянно отказывали! И этот случай наш единственный шанс, как бы цинично это ни звучало.

– Согласен. – Сквозь листву скользнул солнечный луч, на секунду ослепив меня, и я, как в детстве, прищурил глаз. – Другого такого может не быть.

– Я все понимаю. – Вагнер закинул ногу на ногу. – Скажем так – сумма вашего гонорара будет удвоена. Это хорошие деньги. Разумеется, при условии благоприятного исхода для больного.

– Сложно сказать, какой из исходов для товарища является благоприятным, – вздохнул я. – Как по мне, прямо сейчас это вариант сдохнуть побыстрее, потому как чем в таком состоянии существовать, лучше уже вообще никак не жить.

– И все же? – мягко, но непреклонно спросил Вагнер. – Ваш ответ, Александр?

– Секунду, – попросил я его и достал телефон. – Сначала кое с кем поговорю, потом закончим. И сразу – если человек скажет «да», то вы утроите два гонорара.

– Утрою? – изумился Петр Францевич.

– Ну да. Вы тогда оговорились, когда сказали «сумма будет удвоена». Правильно – «утроена». Ну-ну, акции все равно вам бы обошлись дороже, и вы это прекрасно знаете. Да и вообще еще не факт, что дело выгорит. Там все так сложно…

Девушка сняла трубку почти сразу, после второго гудка.

– Ничего себе, – вместо «здрасьте» удивился я. – Виктория, возможно я себе льщу, но вы что, ждали моего звонка?

– Да, Саша, – с легким придыханием ответила та каким-то незнакомым голосом.

– Сдается мне, ошибочка вышла, – сообщил собеседнице я и глянул на экран смартфона.

– Не ошиблись. – Вот теперь я узнал голос Виктории. – Я тоже иногда люблю пошутить.

В жизни бы не подумал!

– К тому же, я на самом деле жду звонка, – продолжила девушка.

– Вот ведь, – расстроился я. – Значит, не стоит вас отвлекать? А у меня важный разговор. Точнее – дело по вашей части. Любопытное! Я, по крайней мере, ничего подобного до сегодняшнего дня не видал. И к тому же в моих нынешних планах значится все-таки выманить вас в какой-нибудь приличный ресторанчик. Вы просто не знаете ничего про мое упорство, я если чего решил, то непременно сделаю. И потом, мне сегодня даже позавтракать толком не довелось, а дело движется к обеду. Неужели вы мне позволите мне умереть от голодной смерти, прекрасная Виктория?

– Последняя фраза мне не очень, а все остальное… – Девушка задумалась. – Почему бы и нет? У нас тут неподалеку от отдела есть милое кафе, там неплохо готовят. Сейчас вам сброшу на телефон адрес, вы как приедете туда, мне позвоните, я подойду.

– Договорились, – обрадовался я. – Жду сообщение!

– Куда мы едем? – деловито спросил меня Вагнер.

– Мы? – хмыкнул я. – Мы никуда. Вы остаетесь здесь, Петр Францевич, дабы нести за наличный и безналичный расчет исцеление страждущим. А вот я отправляюсь обедать с красивой и умной женщиной, которая, возможно, сделает ваш бизнес по настоящему семейным.

– Деньги? – уточнил он. – На представительские расходы?

– Больше никогда мне ничего подобного не предлагайте, – попросил его я. – И не надо иллюзий, я у вас не служу. Это разовая акция, не более того. И если вы сейчас про себя произнесли что-то вроде скептического «да-да-да», то хочу вам сообщить интересную новость. Я не знаю, как врачевать ту дрянь, что добивает господина Арвена, но зато могу узнать, как ее на кого-то напустить. Ломать не строить, Петр Францевич, первое всегда проще второго. Я доступно изложил свои мысли?

Деньги я люблю, а вот кабалу – нет. От этих самых расходов до цепочки на шее два шага. Сегодня предложил это, завтра трудовой договор, а послезавтра? Мне одной Ряжской хватит за глаза. Ну да, недавно я ее «причесал», вот только для нее это ничего не значит. Эта женщина умеет ставить перед собой цели и добиваться их любой ценой.

– Предельно, – ответил Вагнер. – Машина в вашем распоряжении.

Ну да, конечно, поеду я на ней прямо до места встречи, как же. Наверняка водитель тут же «стукнет», где я высадился и куда зашел. Вагнер не шпион, но лишнего ему знать не надо. С него станется внезапно нагрянуть за наш столик и тем самым все испортить.

Потому я вылез из машины рядом с метро «Тургеневская» и сразу нырнул в «подземку», решив, что лучше проеду пару остановок ей. Так спокойней будет.

Кафе и правда оказалось по-домашнему уютным, а Виктория не заставила себя долго ждать.

Сначала все было очень мило, она сделала заказ, а после любезно разрешила мне не ждать ее, когда официантка принесла отбивную с гарниром. От вина, правда, отказалась, сообщив, что на службе.

– Так что у вас за вопрос? Давайте сразу его проговорим, чтобы не обмениваться пустыми репликами, – предложила девушка, с улыбкой глядя на то, как я кромсаю мясо ножом. – И можете говорить с набитым ртом, я к этому привыкла. Мои коллеги только так и поступают, особенно Мезенцева.

– Есть один человек, его крепко прокляли, – все же прожевав кусок, сообщил ей я. – Ну или порчу навели. В жизни такой жути не видел.

– Вы много чего не видели, – резонно заметила Виктория. – И всякий раз будет казаться, что хуже быть не может. Это не так. Будьте любезны, переходите к конкретике.

– Не к столу рассказ, – предупредил я ее.

– Меня ничем не смутишь, – заверила меня Виктория. – Считайте, что я патологоанатом, тем более что где-то так оно и есть.

– Мужик весь в гное, – поморщился я. – Это жуть какая-то. Даже не знаю, как этого Руслана описать правильно…

– Руслана? – напряглась Вика. – Его зовут Руслан?

Глава третья

– Ну да, Руслан, – подтвердил я, окунув кусочек отбивной в томатный соус. – Арвен. Серьезный дядька, владелец мощного банка, который в рейтингах… Виктория, что-то не так?

Девушка смотрела на меня очень странно, а ее лицо скривилось так, что было совершенно не ясно – то ли она заплакать собирается, то ли засмеяться.

– Не так, – наконец произнесла она. – Или, наоборот, так.

– Такое дело, Виктория… – Я положил вилку с нанизанным на нее кусочком отбивной на тарелку. – Дураком надо быть, чтобы не допереть до простой вещи, а именно до того, что вам это имя знакомо, причем неплохо.

– Знакомо, – повторила, как заводная игрушка, девушка. – И неплохо. Так вы говорите, Саша, что он совсем плох?

– Шмат мяса, сочащийся гноем, – осторожно подтвердил я, пытаясь по лицу собеседницы понять, печалят ее эти новости или радуют. – И боли неслабые испытывает, ему их наркотой какой-то медицинской купируют.

– Жаль, – еле слышно прошелестела Виктория. – Снисхождения он не заслужил.

Ну хоть ясность появилась. Если так, то особой любви у нее к Арвену нет. И шансов на то, чтобы выжить, у этого господина тоже больше не имеется. Что до меня – я ему помогать в любом случае теперь не стану, поскольку данная ситуация из числа тех, когда ты точно должен для себя решить, с какой стороны баррикад оставаться. Тут мне думать особо не о чем.

– Как скажете, – нейтрально произнес я, снова берясь за вилку и нож.

– Саша, а вы теперь наемник? – вдруг спросила девушка своим обычным голосом. – Да?

– С чего вы взяли? – удивился я.

– Просто вы уже второй раз прибегаете к моей помощи ради решения проблем других людей. На филантропа вы, уж извините, не похожи, к тому же людей, пострадавших в обоих случаях, проживающими за чертой бедности не назовешь.

Я рассмеялся, вызвав у собеседницы удивление.

– И правда, всё именно так выглядит. Но это не более чем случайность. Нет, Виктория, я не ступил на скользкий путь оказания сомнительных услуг. Просто так получилось, так расположились звезды.

– А Арвен? – глаза девушки нехорошо сузились. – Получается, вы помогаете ему не из-за денег? Он что, ваш приятель?

Ай-яй, как смотрит. Сдается мне, теперь я знаю, кто именно напустил на Руслана такую жуткую хворь. Или, как минимум, тому поспособствовал.

– Нет, не приятель, – миролюбиво ответил я. – Мне сегодня впервые в жизни его увидеть довелось. Просто один человек замолвил за этого товарища слово. Полезный человек, замечу особо. Виктория, да не смотрите вы так грозно! Для меня с некоторых пор авторитетов нет, мне что бомж, что депутат – все едино, потому как теперь я точно знаю, что там, за чертой жизни, все люди одинаковы и мечтают об одном и том же. Права народная мудрость, на том свете карманов нет, и туда ничего не унесешь – ни золото, ни власть, ни приватный счет в Швейцарии.

Кстати. Неплохо было бы узнать пару-тройку кодовых слов к подобным счетам. Чем хорош данный способ хранения денег – истинную личность владельца там, в Швейцарии, никто не знает, в том и смысл анонимности. Да и не нужна она там никому, их частенько через фирмы-посредники открывают. Главное – знать кодовое слово и владеть уникальным ключом-флешкой, именно они откроют тебе доступ к деньгам. Казалось бы – в чем отличие этого швейцарского счета от нашего обычного? Да в том, что их, такие счета, как правило, держат

отдельно. Отдельно от любимой семьи и верных друзей. И иногда случается так, что информация про подобные счета уходит в могилу с тем, кто был его владельцем.

Но в моем случае чужая смерть – это только начало чьего-то пути.

– Так зачем же вы помогаете Арвену? Если вам плевать на авторитеты?

– Помощью это и не назовешь, если честно. Так, приехал, глянул… Но вообще – ради выгоды, разумеется. Нет, деньги деньгами, это уж само собой, меня бы просто не поняли, не потребуй я их, сами знаете, в каком мире мы живем. Но главное, повторюсь, не это. Дело в том, что проситель является довольно весомой фигурой в фармакологии. Сеть аптек, собственное производство лекарств, клиника, короче – полный набор, и вот это мне очень и очень интересно. Вы же знаете мой профиль – зелья, порошки, снадобья. Есть ингредиенты, которые так запросто не купишь, есть такие, которые вовсе не добудешь, просто в силу того, что не растут они в Средней полосе России. Я же не полечу в Бразилию ради одного корешка или травинки, верно? И вот тут…

– Я поняла, – оборвала мой рассказ Виктория. – Извините, Саша, я подумала о вас плохо.

– Да ничего. – Кусочек мяса наконец-то отправился в рот. – И правильно сделали. Человек я так себе. Дрянь человек, скажем прямо. Но это не помешает мне доесть вот эту отбивную, а после позвонить тому, кто просил о помощи, и сообщить, что я ничем ему и господину Арвену помочь не могу.

– Вы хотите удружить мне? – уточнила Виктория со слабой улыбкой. – Это мило. Я оценила. Нет, серьезно. Но, ради правды, у вас все равно ничего не получилось бы, Арвена уже не спасти. Что-то можно было предпринять в течение первых трех дней после того, как он был проклят, а после – всё. Знаете, что лежит в основе заговора? Гнилая вода из центра Шатурских болот, взятая в апрельское полнолуние из чарусьи, недавно поглотившей детскую душу, да еще и зачерпнутая тем, кто эти места охранять поставлен. Осечки быть не может. Арвена пожирает не болезнь, его разъедает природная злоба гнилой воды. Вы никогда с ней не имели дела?

– Нет, – помотал головой я, а после осторожно спросил: – Виктория, я понимаю, что мы знакомы не первый день, но при этом не настолько, чтобы вы вводили меня в курс данного деяния. Я не совсем дурак, уже сообразил, что вы приложили руку к недугу, поразившему господина Арвена, но все равно это не очень правильно. Подобное лучше оставить при себе. Просто в силу того, что ваши же коллеги могут не очень адекватно воспринять ваши действия. От меня информация не уйдет, даю слово, но если вы и дальше будете так откровенничать, то кто знает, чем это кончится?

– Они в курсе, – огорошила меня Виктория. – Я сама на болота и не сунулась бы, побоялась. Пал Палыч воду добывал, тамошний болотник его давний должник. Саша, вы же знакомы с Пал Палычем?

– Само собой, – подтвердил я. – Он ко мне в Лозовку приезжал. Так, получается, этот Арвен по вашему ведомству проходил? Тогда понятно. То-то его банк ЦБ не прихлопнул. Правда, я всегда был уверен в том, что ни с цбшниками, ни с налоговиками ни одно чародейство не справится, поскольку у них на это иммунитет, но, как видно, ошибся.

– Нет, – покачала головой девушка. – Арвен обычный человек, он никак не связан с миром Ночи. Вернее, когда-то он очень хотел заглянуть за окоём обыденности, причем настолько, что перешел грань дозволенного, за что в результате и поплатился.

– Ясно, – отозвался я, хотя на самом деле это было не так.

Но в такой ситуации лучше в расспросы не лезть. Захочет Виктория – сама все расскажет. Не захочет – значит, не захочет.

Так оно и вышло.

– Несколько лет назад Арвен убил человека, которого я очень любила, – вычерчивая ногтем по столу замысловатые узоры, произнесла девушка. – Не сам, разумеется, чужими руками, но разве это что-то меняет? Виноват не пистолет, а тот, кто нажал на курок. Непосредствен-

ного убийцу застрелил Коля, тогда еще совсем юный оперативник, а вот до Руслана мы не добрались, не успели. Он сбежал из страны, как видно, что-то почувствовал. Можно было бы добраться до него и там, где он затаился, но Олег Георгиевич запретил мне это делать, не хотел портить отношения с коллегами. И потом – тот, кого он убил, лежит здесь, на этой земле, стало быть, виновник его смерти тоже должен умереть тут. Так оно и получилось, прошло время, и Арвен вернулся, чтобы за все заплатить. Простите уж за пафосные и банальные слова.

– Не за что извиняться, – заверил ее я. – Все правильно сказано. И смерть у него такая, что врагу не пожелаешь.

– Только мне этого мало, – очень тихо и очень жестко произнесла Виктория. – Знаю, что мои коллеги не одобрили бы то, о чем я хочу вас попросить, Саша, но мне это безразлично.

– Не надо, а? – предложил я. – Не стоит произносить вслух то, что у вас на уме. Это очень, очень плохая идея. Этот гад и так подыхает как собака, истекая гноем и корчась от боли. Куда уж хуже?

– Вам ли не знать, что хуже? – таким голосом произнесла она, что мне стало немного не по себе. – Вы же Ходящий близ Смерти, потому разбираетесь в данном вопросе лучше, чем кто-либо другой.

– Потому и советую обратить свое внимание на салат «Цезарь», – показал я на девушку-официантку, которая как раз принесла заказ моей спутницы. – Это куда разумнее и целесообразнее.

Дело не в том, что мне не хочется помогать этой Снежной Королеве, нет. В обычной жизни для нее лично я готов сделать очень многое, без проблем. Я за добро всегда плачу добром, да и вообще она мне нравится. Но при этом я помню, кто она такая и где служит, в этом все дело. Нет, подставы ждать не стоит, это сто процентов, но если вдруг все всплывет, то ее из событийной канвы выведут за ручку, а меня отправят за борт. По-любому. Потому что от ее просьбы, пусть пока и невысказанной, за километр тянет открытой могилой.

– Я хочу, чтобы Арвен страдал не только при жизни, но и после нее, – отчетливо произнесла Виктория, дождавшись того момента, когда официантка от нас отдалится.

– Все-таки сказали, – поморщился я. – Ну вот зачем?

– Потому что это справедливо, – нахмурилась девушка. – Потому что так будет правильней.

– Никто не знает, что на этом свете правильно, а что нет, – возразил я. – Никто. Зато мне лично прекрасно известно, что благо для одних всегда является горем для других, а мы сейчас говорим о такой тонкой штуке как посмертие. Виктория, это очень, очень хреновая идея, поверьте ведьмаку, пусть даже и начинающему. Я живу под Луной меньше года, но уже понял, что с этими вещами играть нельзя. Покон есть Покон, за все сделанное с каждого из нас когда-нибудь спросится.

– Я приму этот долг на себя, – заявила моя спутница. – Даю слово. И моих друзей из Отдела тоже не опасайтесь, даже если они что-то узнают, по вам это никак не ударит.

Умная. Все поняла.

– Это вы так думаете, – продолжил упорствовать я. – А Нифонтов придет да и вспорет мне живот своим тесаком. Или Женька в голову выстрелит, когда я этого ждать не буду. И все, пишите письма.

– Вы не верите моему слову? – аристократично приподнялась левая бровь.

– Я не верю вообще никому, – буркнул я и отрезал еще кусочек мяса. – С тех пор как перестал быть обычным клерком с обычными радостями и горестями. И сразу – если вы сейчас заведете разговор о деньгах, то я оплачу счет, встану и уйду.

– Саша, это плохой человек, – неожиданно мягко произнесла девушка. – Очень плохой. Я же знаю, наводила справки. На нем много крови, много чужого горя. Я не прошу мести. Я прошу справедливости.

– Да не о том я! Вика, вы просите у меня того, от чего не то что подальше надо держаться, а бежать сломя голову! Поймите вы эту простую вещь!

– Понимаю. – Девушка перегнулась через стол, ее глаза оказались напротив моих. – Но мне это нужно. Четыре года, Саша. Четыре года я не живу, а просто существую, потому что в душе пустота. Мне известно, что месть не приносит счастья, и это на самом деле так. Но она дает покой и осознание того, что ты выплатила свой долг. Выплатила, и теперь можешь идти дальше. Саша, я просто хочу снова дышать полной грудью.

Ну вот что мне с ней делать, а? И почему я такой податливый, почему меня всегда можно уговорить сделать то, чего не хочется? Не всем, разумеется, такое удается, а только тем девушкам, которые мне нравятся.

А она мне нравится. Не знаю, чем, но – есть такое.

И потом – выполняя ее просьбу, я могу решить свою проблему. Даже парочку.

– Что вы хотите, Виктория? – Я приблизил свое лицо к ней так, что мы уперлись лбом в лоб. – Чего конкретно?

– Лишить его посмертия, – быстро ответила девушка. – Пусть душа Арвена скитается без упокоения.

– Нет, – сразу отказал я. – Не пойдет. Похоже, он негодяй тот еще, а значит, через десяток-другой лет его душа людям вредить начнет. Например, прибьется к Снежному Старику и станет забулдыг в сугробах морозить. Мне такие грехи не нужны, полагаю, за них раньше или позже счет предъявят. Не уверен в этом до конца, но проверять не желаю.

– Отвергая – предлагайте.

– Хорошо. – Я внезапно чмокнул девушку в щеку, не без радости заметив живой огонек, мелькнувший в ее глазах. – Извините, но надо было немного разрядить обстановку. Еще чуть-чуть, и это кафе могло пострадать от взрыва наших эмоций.

– Вы ловкач! – девушка улыбнулась, на щеках обозначились ямочки, а мое сознание внутри отчетливо произнесло: «Ауф, какая женщина!».

– На том стоим, – не без самолюбования произнес я. – Все-таки профессиональный банковский служащий, тем и кормимся. Кстати, о работе! Вика, вы все-таки кушайте салат, а мне надо кое с кем пообщаться.

Шутки шутками, а на работу позвонить все же надо, хотя бы приличия ради. Ну и градус напряжения за столом чуть понизить следует.

В последующие пять минут я выслушал по телефону кучу всякого разного, потому что моя коллега Наташка никогда не умела просто так принять и передать кому надо излагаемую ей информацию. Она сначала с ноткой зависти иронизировала над тем, что кое-кто довольно сомнительным путем сумел вымостить себе дорогу в личное светлое будущее, потом жаловалась на то, что пришло тепло, а за мороженкой сходить некому, после пересказала мне пяток свежих сплетен, и только под конец сообщила главное. То, что с утра пораньше в банк нагрянула Ряжская, не обнаружила меня, наорала на Волконского, который, в общем-то, был ни при чем, но при этом запретила разыскивать меня по телефону.

Логики в поступках Ольги Михайловны я не усмотрел, но это и не страшно, ибо повредить мне данный факт никак не может. Все равно скоро уволюсь, какая разница?

Виктория тем временем лихо умяла салат и теперь лакомилась клубничным мороженым. Значит, не все еще потеряно, значит, не совсем она внутри заледенела. Когда девушка в минуты душевных терзаний мороженое, торт со сливками или шоколадку не кушает с задумчивым видом, вот тогда беда. От такой надо бежать сломя голову, чтобы остаться в живых, ибо такие, как она, жалости и сострадания не знают.

– Ваше предложение, Саша, – поторопила она меня. – Обед заканчивается.

– Что-то мне подсказывает, что вы его можете растянуть на столько, на сколько захотите, – хмыкнул я. – Просто вам невтерпеж узнать, что мне пришло в голову.

– Невтерпеж, – подтвердила девушка.

– Еще раз повторю – лихое посмертие я ему устраивать не стану. Хотя бы потому, что не знаю, как это сделать в полной мере качественно.

– Разве? – изумилась Виктория. – Вы же Ходящий близ Смерти?

– Правильно, – согласился я. – Всё так. Но это не значит, что я умею обрекать души на вечные муки. К тому же, я ведаю не распределением, а утилизацией. А ну как его сразу после смерти отправят в конечный пункт назначения? Ну а насчет извлечения души из еще живого тела даже и упоминать не стоит, такое мне точно не по плечу. Да оно мне не нужно. Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе.

– Но… – поторопила меня Виктория.

– Но я могу отдать его маре, – отчеканил я. – Вы знаете, кто такие мары?

– Само собой, – задумчиво облизала ложечку девушка. – Если это шутка, то очень неумная.

– Какие шутки? – даже обиделся я. – Всё вполне серьезно. Скажем так – у меня с ними были кое-какие делишки, и я всегда могу обратиться к ним снова.

Виктория с минуту посидела молча, а после изрекла:

– Знаете, господин ведьмак, а вы полны сюрпризов. Причем опасных. Мары – очень, очень древние существа, до которых к тому же трудно достучаться. А уж как они любят на сладкое выпить душу того, кто их призвал… Но вы здесь и живы, это означает, что каким-то образом вам удалось с ними поладить. Примите мое восхищение.

– Это не ответ, – передернул плечами я. – Если «да» – хорошо. Если нет – других предложений не последует. Да и это вы у меня вытянули клещами.

– Да, – протянула мне руку Виктория. – И еще вот что… Вы не назвали цену. Что я буду должна вам за услугу?

– Одну «спасибу», – хмыкнул я. – Ничего вы мне не будете должны. Будем считать, что хоть раз в жизни я себя повел как нормальный мужик, который помогает женщине только потому, что он обязан это делать по сути своей. Просто так, без дальнего прицела. Вы же нас рожаете не для того, чтобы пособие получать, а по любви, верно? И потом – мне надо хоть одно доброе дело иметь в загашнике, чтобы не совсем уж сволочью себя ощущать. Правда, добрым его, по здравому размышлению, не назовешь.

– Немного хитрите, но это нормально, – одарила меня еще одной улыбкой девушка. – Ладно, сама решу, как именно вас отблагодарить. Но есть еще одно условие. Я участвую в переговорах с марой.

– Сразу нет, – немедленно отозвался я. – И не думайте.

– Да, – тоном, не оставляющим места для сомнений, возразила мне Виктория. – Не стоит спорить, сразу предупреждаю. Ну и, в конце-то концов, это в ваших интересах. Если что, именно этот аргумент отведет от вас все возможные подозрения сотрудников Отдела.

– Вы же сказали, что возмездия со стороны ваших коллег ждать не стоит? – подковырнул я собеседницу. – А?

– Не стоит, – кивнула Виктория. – За Арвена никто из них вам счет не предъявит. Но мы не последняя инстанция, поймите, и в этом случае мои показания станут решающими. Если что, я приму удар на себя. Но для этого я должна быть рядом с вами.

Все это шито белыми нитками. Третий класс, вторая четверть. У нее другие цели, и я догадываюсь какие. Она хочет убедиться в том, что сделка на самом деле будет совершена. Так сказать, верю-верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу. Это я понимаю. Это нормально.

Или есть еще что-то, чего я пока не вижу?

И ведь не отстанет, это ясно как белый день. Жалко, хотел я погреть руки у костерка Арвена по полной, а так только должок маре верну. Убытка я, разумеется, из-за этого никакого не понесу, но и сто процентов прибыли не получу. Обидно.

Впрочем, еще одна уступка – это тоже инвестиция в будущее, не так ли?

– Ваша взяла, – вздохнул я. – Уговорили, пусть будет так. Но на моих условиях. Идет?

– Слушаю, – насторожилась сотрапезница.

– Ваша роль – наблюдатель, – очень серьезно предупредил ее я. – И не более. Вы не встреваете в разговор, вы не ставите условий, вы не даете обещаний и ничего не просите. Вы вообще не открываете рот. Это понятно?

– Но…

– Виктория, не сомневаюсь, что вы у себя в отделе много чего читали про мар, – усмехнулся я. – Смею вас заверить – вы про них ничего не знаете. Книги – это только книги. В жизни все куда проще, а потому страшнее. И вообще – будь на вашем месте кто другой, фиг бы я вписался в эту свистопляску.

– Согласна, – кивнула Виктория. – Это ваша территория, Александр, и вам лучше знать, что там к чему. Я буду молчать.

– Тогда приглашаю вас в гости, часикам эдак к одиннадцати вечера, – потер руки я. – Посидим, попьем чайку, а там и дело сделаем. Да, вот еще что… Мне нужна какая-то личная вещь Арвена. Черт, придется снова в клинику ехать.

– Не придется, – прищурила левый глаз Виктория. – У меня есть его галстук. Проклятие ведь тоже не просто так накладывается.

– Уже проще, – обрадовался я. – Да, о клинике.

Я снова достал телефон и набрал Вагнера.

– Петр Францевич? – В моем голосе плескалось море озабоченности и озерцо печали. – Плохие новости. Увы, но не видать вам пакета акций.

– Она отказалась? – уточнил бизнесмен. – Дело в этом? Возможно, есть еще какие-то варианты?

– Если бы, – вздохнул я. – Согласие как раз не вопрос. Беда в самой… Скажем так – хвори. Она поддается лечению только на начальном этапе. День-два, и процесс необратим. Совершенно. Даже если бы я поехал с вами еще тогда, на прошлой неделе, результат мы бы имели тот же. Увы, увы, но господин Арвен уже мертв, несмотря на то что он до сих пор дышит. День-два у него в запасе есть, не больше. Я к чему – вы донесите эту весть до родных и близких, может, ему какие бумаги надо подписать, на предмет наследства или передачи собственности. Ну и попрощаться тоже следует, так чтобы по-людски. Меня, разумеется, в этой связи упоминать не надо. Клиницист у нас вы, а не я.

– Хорошо, – без особого оптимизма буркнул Вагнер. – Всего доброго.

– Стоп-стоп, – скомандовал я. – Это еще не всё. Теперь по нашим с вами взаимным расчетам.

– Каким расчетам? – опешил он. – Аванс ваш, а больше мне платить вроде как не за что.

– Да что вы? – рассмеялся я. – Короткая у вас память, Петр Францевич. Как было сказано в тот день, когда мы заключили сделку? Если ваш приятель умрет до того, как я примусь за его лечение – вы мне ничего не должны. Он пока еще жив, не так ли? Тем не менее, время мной потрачено, вдобавок я побеспокоил очень и очень влиятельного человека своей просьбой. Да, результат прискорбный, но услуга мне оказана, и когда-нибудь мне за нее предъявят счет. Вы сами коммерсант и знаете, что одна из основ любого серьезного бизнеса – взаимные услуги и уступки. Иногда они важнее, чем деньги. При этом действовал я в ваших интересах. Еще вопросы есть?

Молчал Вагнер, сопел в трубку.

– Замечательно, – продолжил я. – Но поскольку я привык вести дела честно, то и цена за мои услуги будет справедливая. Три раза. Я обращусь к вам за помощью три раза, а не пять. Так, на мой взгляд, будет нормально. Вы согласны?

– Да, – подтвердил Вагнер. – Александр, у меня тоже есть вопрос.

– Можете, только не со всякой ерундой, – разрешил я. – Вы же хотели про это спросить? Можно ли, если что, позвонить и обратиться с просьбой? Ну и не забывайте о том, что я – очень дорогое удовольствие. Помните, сколько было в конверте Арвена? Всякий раз я хочу от вас получать аналогичную сумму как безвозвратный аванс. И это независимо от просьбы, которую я могу и не выполнить. Впрочем, можете класть в конверт больше, я не обижусь.

В принципе, хороший вариант. Зная его жадность, можно предположить, что чаще чем раз в год он появляться не будет. А мне лишний приработок не помешает.

– Значит – день-два? – еще раз уточнил Вагнер. – Ох, беда, беда…

На том мы с ним и распрощались.

– Не знала, что я влиятельная особа, – покачала головой Виктория. – Насмешили. И еще – пройдоха вы, Александр. Даже на отказе умудрились заработать.

– На убийстве, – поправил ее я. – Называйте вещи своими именами. Сегодня ночью этот человек умрет благодаря нашим стараниям.

– И очень хорошо, – моментально изменилось лицо девушки, веселье из него ушло, осталась застарелая ненависть. – Жалко, лично этого не увижу.

– Кстати, а не допустили ли мы ошибку? – вдруг озадачился я. – Они, часом, эвтаназию к нему не применят? Чтобы не мучался? Тогда все наши труды коту под хвост.

– Нет, – заверила меня девушка. – Ручаюсь за это. Вера – часть его сути и, что важно, сути его жены, которая могла бы упросить Вагнера облегчить его страдания. Так что он пройдет свой путь до самого конца.

Вот тоже интересно – Арвен ведь мусульманин, а я на него нашу отечественную нечисть натравлю. Как эти вещи могут сочетаться?

А может, и запросто. Не исключено, что те же мары появились еще до того, как верования растащили людей в разные стороны. Так что им не помешает то, чего они не знают.

– Ну и замечательно, – успокоился я и поднял руку. – Барышня, а можно нам кофе и счет? Вика, вы какой предпочитаете? Я вот латте. Он вкусненький.

Вскоре мы расстались. Девушка отправилась на службу, я подобной ерундой заморачиваться не стал и поехал домой.

Там я шуганул Родьку, который призывно махал полиэтиленовым пакетом и демонстративно хлопал дверью холодильника, давая мне понять, что тот снова почти пуст, и завалился на кровать, о чем мечтал два дня. Завалился – и не заснул. Весь день спать хотел, в метро в дремоту впал, в лифте чуть челюсть не свернул, зевая, – а тут никак.

Как видно – перехотел. И так бывает. Но, может, оно и к лучшему, поскольку еще по дороге я, похоже, сообразил, зачем Виктория напросилась ко мне в гости. Тут дело не в любопытстве и не в недоверии. Тут – другое.

Потому я живенько раскочегарил горелку и сварил одно немудреное зелье, которое, как мне кажется, сегодня непременно пригодится. А после еще и в магазин сходил. Не ради Родьки, который всем своим видом показывал, что голодная смерть уже протянула свои костлявые пальцы к его мохнатому горлу. Просто некрасиво выйдет – у нас гостья, а в доме даже сахара нет, накануне-то я его купить забыл, а все сладкое Маринка стрескала. Хотя если бы не Виктория, никуда бы я не пошел. Я вообще в последнее время к тихим домашним радостям, вроде еды и тому подобного, охладел. Да оно и понятно, не до того мне. То Лозовка, то ведьмачьи дела, то вон убивать кого-то надо. Где времени на все взять?

Кстати – Лозовка. Что-то прораб Валера затих, не звонит, не пишет. Мужички там на моей стройке века вообще работают? Хоть что-то делают? Надо съездить, посмотреть. Может, у меня там долгострой образовался? Не хотелось бы.

Виктория оказалась пунктуальна невероятно. Ровно в одиннадцать вечера брякнул дверной звонок, и я поспешил к двери.

Родька был в курсе того, кого я жду, но никаких эмоций по этому поводу не выказал. То ли приход Виктории не очень его беспокоил, то ли он ее как конкурентку Светке не воспринимал – уж не знаю. Но того недовольства, которое я постоянно замечал в те моменты, когда в наш дом приходила Мезенцева, тут и близко не возникало.

Кстати – правы мои собратья. Распустил я его. До чего дело дошло – вполне серьезно рассуждаю на тему, кто моему слуге нравится, а кто нет. С другой стороны – с ним таким интереснее сосуществовать. Видел я других слуг, забитые они какие-то, неживые. Особенно те, что ведьмакам-ветеранам служат. А Афоня? Он вообще чуть не спился.

Нет уж, пусть остается такой, какой есть. Хотя ему я ничего подобного сроду не скажу, разумеется.

К тому же он меня не подвел. Чашки стояли на столе, там же имелись печенье, сушки, зефир и даже три глубокие розетки с разными видами варенья.

Что примечательно – ни розеток таких, ни варенья в моем доме сто лет как не водилось. Опять у кого-то из соседей позаимствовал, появилась у него такая привычка. Нет, посуду он, конечно, после вернет, чистую и невредимую. Но, в принципе-то, это неправильно? Хотя и вкусное варенье, тут не поспоришь. Особенно вишневое славное оказалось.

Но поругать его стоит, ибо – не дело. И куда только Вавила Силыч смотрит?

О! Вавила Силыч! Чуть не забыл! Его же предупредить надо!

Чураться Виктории подъездный не стал и вылез из-под холодильника почти сразу после того, как я его позвал.

– Исполать тебе, чародейка-матушка, – невероятно вежливо поприветствовал он мою гостью, и даже отвесил ей что-то вроде поклона. – Сто зим здравствовать, сто лет благоденствовать.

– И вам добрый вечер, суседушка, – встала с табуретки та. – Пусть в вашем дому всегда будет лад да согласие, хлеба вдоволь да молоко не киснет.

Фольклор. Надо запомнить, может пригодиться.

– Вавила Силыч, – решил не откладывать неприятный разговор я. – Тут такое дело… Опять мне придется кое с кем побеседовать. Ты понял с кем, да? Знаю, что тебе эти встречи в тягость, но – надо.

– Ох… – Подъездный зацепил ложечкой варенья из розетки. – Снова ты за свое. Хоть ты ему скажи, чародейка! Ну глупость же несусветная сюда эту погань приманивать! Ты же понимаешь, какое это зло!

– Понимаю, – ответила Виктория. – Но это не Александру нужно, а мне, не вините его. Он меня отговаривал, но я его вынудила это сделать.

– Вон как? – опешил Вавила Силыч. – Куда мир-от катится! Я же вижу, что ты хоть и молода, а горячего варева хлебнула, потому знаешь, что за этим последовать может? Александр несмышленыш еще, но ты-то…

И он махнул рукой, давая нам понять, что не в силах мириться с нашей людской глупостью. Но своих сбегал, предупредил.

Как только часы отмерили полночь, я сразу же приступил к ритуалу призыва, не желая откладывать неприятное действо в долгий ящик. И на этот раз мара откликнулась почти моментально. Смесь трав догореть не успела, а в коридоре раздались меленькие шажочки, сопровождаемые непонятным жужжанием.

– Твою тетку, забыл! – хлопнул я себя по лбу, и сунул в руку Виктории пузырек с зельем, что недавно сварил. – Пей! Живо!

– Это что? – подозрительно глянула на меня девушка. – Зачем?

– Отрава, блин! – рыкнул на нее я. – Пей, говорю! Это чтобы она тебя в ментальном плане не скрутила!

Виктория еще раз с сомнением покосилась на меня, выдернула пробку, понюхала жидкость, а после одним глотком опустошила небольшой пузырек.

Глава четвертая

Прикрытая дверь скрипнула, и в кухню вошла мара. Который раз ее вижу – и все удивляюсь несоответствию формы и содержания. Кругленькая задорная девичья мордашка, носпуговка, светло-льняные кудряшки, голубенькие глазки – прямо Аленка Бабаева с обложки шоколадки. Любой режиссер рекламных роликов детской одежды или сока это солнечное чудо без проб сниматься пригласит. Вот только жизни этому смельчаку останется потом ровно столько, сколько эта девчушка ему сама отмерит.

Кстати – она еще и одежду сменила, сообразно сезону. Пропала шапка с надписью «New York», ее сменили солнцезащитные очочки в розовой оправе, придерживающие волосы на лбу, сапожки сменили кроссовки с розовыми же шнурочками.

И еще – глаза. Я сразу как-то не смекнул, но – ушла из них чернота, которая так напугала меня в первый раз. То ли мимикрирует мара, то ли еще что…

«Жжжжжж» – крутанулся в маленьких пальчиках спиннер.

– Славная штука, ведьмак, – сообщила нежить, карабкаясь на табурет. – Удобная. Время коротать хорошо. Спасибо, что подарил.

– Да не вопрос, – отозвался я. – Лишь бы тебе в радость.

– А это кто? – Мара уставилась на Викторию. – Подружка твоя? Зря. В ней хоть сила и есть, но она из людей. Ничего у вас не выйдет. Многие из ваших пробовали, только толку чуть. Либо ты ее погубишь, либо она сама от тебя уйдет. Ваш век длиннее людского, она старухой станет, а тебя даже седина еще не тронет.

– Какие невеселые перспективы, – поморщился я. – Но это в любом случае наши дела.

– Ваши, – с готовностью согласилась мара. – Так и есть. И говорить о них нечего. А вот что с нашими делами, с твоими и моими? Клятва прозвучала, время идет, я жду.

– Слово ведьмака нерушимо, – с достоинством произнес я. – Для того и позвал. Я готов отдать тебе человека.

– На потерзать? – сразу же уточнила мара. – Или?

– Или, – твердо сказал я. – И тело, и душу. Хотя тело тебе, конечно, без надобности, но тоже можешь забрать.

– Ты же понимаешь, ведьмак, что лишаешь этого человека посмертия? – уточнила мара. – Одно дело пить ночные страхи того, на кого ты меня навел, и совсем другое то, что сейчас предложено.

Вот ведь зараза какая. Все верно просчитала, поняла, чего ради сюда Виктория пришла, и теперь на нее давит, чтобы вызвать эмоции, за которые можно уцепиться. Мара – она как клещ, ей главное впиться, а дальше дело техники. Причем она знает, что мне прекрасно известны все нюансы таких сделок. Нет там никакой разницы, что так дело грязное, что эдак. И будь я человеком, за подобные штуки пришлось бы, наверное, отвечать где-то там, за жизненным пределом. Потом, когда помру. А может, и раньше. Та же мара после припрется во сне и начнет стращать, показывая последствия договора с ней, чтобы до кучи твою душу тоже к рукам прибрать. Ну или что там у нее на самом деле? Щупальца, ложноножки…

Только вот с ведьмака взятки гладки, я это в книге еще когда прочел. Обычная сделка двух обитателей Ночи. Один делает, второй платит. Вот и все. Главное – условия сделки соблюдать, потому как Покон есть Покон. Слово дадено, слово сполнено.

Виктория встала с табурета, хотела что-то сказать – и не смогла. Она еще пару раз открыла и закрыла рот – тот же результат.

Оно и понятно – зелье немоты именно такой эффект и вызывает. Еще с минут пятнадцать девушка будет точно как золотая рыбка – дышать может, глазами хлопать тоже, даже кое-какие желания исполнять, но вот в беседу вступить не получится.

И очень хорошо, а то она таких дел наворотить может, что волосы дыбом встанут. Она ведь для чего ко мне напросилась? Чтобы на себя принять ответственность за то, что я сейчас делаю. Чтобы на мне этого долга перед марой и Мировым Разумом не висело. Вот такая она, эта самая Виктория. Хочет быть честной и передо мной, и с самой собой, чем выгодно отличается от своих коллег. Может, еще и поэтому я решил ей помочь.

Только фиг ей, не люблю я подобной жертвенности. Ведь сожрет ее мара и не подавится. Само собой, ей только в радость еще на одну людскую душу присесть, к ней присосаться и вытянуть, как газировку из стакана через трубочку.

Так что обойдутся, причем обе сразу. Все будет так, как я захочу.

Кстати, я думал о том, чтобы ей на самом деле защитное зелье дать, но не стал. Зачем? Здесь ее мара тронуть не посмеет, она моя гостья, Покон не велит. Ну а я сам под защитой Мораны. Если она хочет рискнуть и устроить праздник непослушания – флаг ей в руки.

Виктория тем временем поняла, что к чему, зло глянула на меня, уселась обратно на табурет, скрестила руки на груди и опустила глаза в пол.

– Чего это она? – чуть расстроенно уточнила мара, потыкав пальчиком, на котором тускло блеснуло простенькое латунное колечко, в сторону девушки. – А?

– Да пока тебя ждали, в «крокодила» играли, – пояснил я. – Чтобы время убить. Вот она и догадалась, наконец, что за слово я загадал, только сказать не может. Немая она. От рождения.

– Не знаю такой игры. – Мара снова крутанула спиннер и даже язык чуть высунула, глядя на полоску стремительно вращающихся лопастей. – Зело забавно! Так что, ведьмак? Какое твое последнее слово?

Виктория была ей больше неинтересна, это было заметно невооруженным глазом.

– Такое же как первое, – пожал плечами я. – Я отдам тебе душу одного человека. Она будет твоей, делай с ней то, что захочешь. Но условие – она должна хорошенько помучаться. Так, чтобы ей каждый миг вечностью казался.

После этих слов я вопросительно глянул на Викторию, чтобы уточнить – не передумала ли она. Женщины существа переменчивые, никогда не знаешь, что им в голову придет.

Но нет, ничего не изменилось, только скулы на красивом, точеном лице девушки чуть сильнее обозначились. То ли от эмоций, то ли от злости на меня.

– Хорошо, – облизнула губы розовым язычком мара. – Давай вещь этого человека, и я пошла. Ночь только началась, не хочу терять времени. Светает сейчас рано, а мне Ярилино око не по нраву. И я ему тоже.

Виктория засунула руку в чуть оттопыренный карман своего приталенного пиджачка, отчего золотой кулон-капелька, висящий на ее груди, мотнулся из стороны в сторону, достала оттуда свернутый в кругляш галстук и хотела было передать его маре, но я успел раньше и перехватил его.

Ого, «Стефано Риччи». И, похоже, настоящий, в смысле – «хенд мейд». Насколько я знаю, они в год всего штук триста галстуков выпускают, потому стоит каждый из них будь здоров сколько. Ну а уж потом безвестные китайцы к процессу подключаются, только «родную» вещь с подделкой не перепутаешь никогда.

– Погоди, родная, – ласково произнес я. – Давай сначала уладим кое-какие формальности.

– Что тут улаживать? – передернула узенькими плечиками мара. – Ты даешь мне эту тряпицу, на том и расстанемся.

– Только перед этим кое-что надо произнести, – подсказал я. – Дескать, твой долг… Ну, ты же в курсе?

– Да-да, – недовольно насупилась девчушка. – Ведьмак, твой долг полностью погашен и с сего момента закрыт. Ни ты мне, ни я тебе больше ничем не обязаны.

– Услышано и запомнено, – тут же отозвался Вавила Силыч.

– Лови. – Я бросил галстук маре. – Не задерживаю. И помни о моем условии насчет страданий и терзаний.

– Это уж не сомневайся, – хихикнула мара. – Тем и пробавляемся. Да, может, ему чего передать?

– Ну-у-у… – Я глянул на девушку, причем с изрядным сомнением. Ее имя я маре называть не хотел категорически, но при этом в каком-то смысле музыку все же заказывала она.

Виктория все поняла, мигом достала из сумочки телефон и набрала в текстовом поле сообщений имя «Герман».

– Привет от Германа передай, – попросил я, глянув на экран. – Он поймет.

Черт, почти как перевод с карты на карту. «Вы желаете добавить СМС?». Забавно.

– Сделаю, – деловито пообещала мара, болтая ножками в гольфиках и ладно сидящих кроссовках. – До встречи, ведьмак.

– Лучше уж прощай, – выразил свое пожелание я без особой щепетильности.

– Э, нет, – заливисто расхохоталась девчушка. – Мы с тобой теперь одной веревочкой повязаны прочно, не разорвешь. Где ты – там Смерть. Где Смерть – там я.

Мара спрыгнула с табуретки, помахала нам ладошкой и вышла за дверь. Еще пара секунд, и ее шажочки стихли в глубине коридора.

– Ушла? – скрипнула дверца, за которой стояло мусорное ведро и таились водопроводные трубы, из-за нее показалась голова Родьки. – Хорошо! Не люблю я их племя.

– Вылезай уже, – брюзгливо велел подъездный. – Храбрец. Александр, я тебе, вестимо, никто, учить жизни права не имею, но скажи мне – ты сам-то понял, что сделал? Ты ж ей живую душу отдал!

– Там, Вавила Силыч, такая душа, что ее еще раз пять отдай – и все не жалко, – и не подумал оправдываться я. – Этот человек жениха моей гостьи убил, между прочим. Не со злобы, не из ревности, а так, выгоды для.

Ну этого я точно не знал, причину давнего злодеяния мне Виктория так и не назвала, но зато мне были хорошо известны люди, подобные Арвену. И именно деловые интересы в девяноста процентах случаев являлись основанием для всех возможных видов нарушения закона. Хотя до убийства дело доходило нечасто, врать не стану. В основном это были подлоги, хищения и растраты. Одно время, когда после очередных выборов власть «гайки затягивала», сотрудники управления по борьбе с экономическими преступлениями к нам в банк как на работу ходили, таких, как он, за горло брали. Выборы дело недешевое, казну государеву после них пополнять надо.

Хотя по сути подъездный прав. Только что я человека нежити ночной скормил, и ничего внутри не шелохнулось. Не от смерти спасался, не в бою, когда либо ты, либо тебя, а просто так. Потому что красивая женщина попросила.

Прислушался к себе. Нет, ничего не ёкает. И жалость молчит, и совесть не бубнит. То ли перерождаюсь, то ли правильно поступил. Лучше бы второе верным оказалось.

– Что убийца он – плохо, – отвел взгляд в сторону подъездный. – Нельзя человеков ради денег жизни лишать. Но и тебе гордиться нечем. Хоть какой он злодей заугольный, но душа-то у него живая была!

– Какая там душа? – поморщился я. – Чернота одна небось. Видел я такие уже, Вавила Силыч, и на волю их отпускал. Так ни одна вверх не ушла, все кляксами черными на земле оседали. Аж траву собой выжигали.

Молчал подъездный, сопел, ничего не отвечал.

Тут не выдержала гостья. Она вскочила на ноги, потыкала пальцем в губы, потом подбоченилась и, вытаращив глаза, уставилась на меня.

– Да-да-да, пока ты говорить не можешь, – верно распознал я ее пантомиму. – Потерпи немного, скоро все кончится, к тебе вернутся коммуникативные способности. Правда-правда.

Виктория раздула ноздри и топнула ногой.

– Ишь ты. – Вавила Силыч, как мне показалось, очень обрадовался перемене темы. – Такое бы зелье Пал Петровичу со второго этажа подарить. Его супружница как домой с работы вернется, так сразу давай на него орать. Злобу девать некуда, молодые-то от них съехали. Ей Галина, невестка, стало быть, сразу не по душе пришлась, вот она ее два года и шпыняла, стрессу свою снимала. А теперь молодые квартиру купили, только их и видели. Сами сюда не ездят, и ее к себе не зовут, так она им надоела. А поорать-то надо? Вот Пал Петровичу и достается. А он мужик тихий, спокойный, терпит. Прямо жалко его.

– Не поверишь, Вавила Силыч, но для того это зелье и придумано, – рассмеялся я. – Оно из разработок Митрия. Ну помнишь, я тебе о нем рассказывал?

– А, это тот ведьмак, что девок портил через одну и искал способ, как воду в зелено вино превратить? – покивал подъездный. – Редкостный прохиндей, похоже, был.

– Ну да, – подтвердил я. – Вот и это зелье он выдумал, причем специально для продажи. Так и написал: «дабы сварливых женок речи лишить, когда те злы сильно или же в цареву лавку свово мужа не пущают». Кстати, ты не знаешь, что за «царева лавка» такая?

– Так кабак, – причмокнул Вавила Силыч. – Одно время водку-то не везде наливали, а только в специальных заведениях, что имели на то разрешение от власти. Так это дело и называли – «царево вино». Или же «казенкой», потому как ее только казенные заводы гнали. Государевы то есть.

Ну да, что-то такое я слышал. Или читал?

Тем временем Виктория, которую, похоже, вся эта комедия абсурда достала до края, схватила с подоконника первый попавшийся предмет и начала им махать, выказывая недовольство.

Все бы ничего, но им оказался маринкин недавний подарок, тот самый моржовый хрен.

– Моя прекрасная леди, вы хоть знаете, что держите в руках? – давя в горле хохот, поинтересовался я. – Нет? Сейчас объясню.

Через минуту длинная и узкая кость полетела в угол, а я перестал сдерживать смех. Да и подъездный со слугой не отставали. Что там – Виктория сначала неуверенно заулыбалась, а потом беззвучно захохотала.

– Хорошо, что не сломала, – вытер слезы из уголков глаз я. – Не скажу, что мне сей предмет нужен, но пусть будет. Может, с каким настоящим шаманом сведу дружбу, кто знает? Вот ему подарю. Так и скажу – «держи, шаман Василий, моржовый хрен на память»!

– Почему Василий? – заинтересовался Родька. – У них обычно имена заковыристые. У меня один хозяин долго на Севере жил. Мы с ним еще через пролив туда-сюда на лодке катались. Забавная такая лодка, узкая только. «Каяк» называется.

Через какой пролив? Берингов, что ли? Интересно, чего это они туда-сюда через него шастали? С какой целью? Может, с территории Штатов на нашу золото, намытое на Клондайке, перевозили? Хотя это вообще невесть когда могло быть.

– Не знаю почему, – признался я. – Звучит просто красиво. Шаман Василий. Эдакий чукотско-российский колорит.

– Болтуны! – хрипло изрекла Виктория, обрадованно ойкнула и продолжила: – Слава Богу, речь вернулась! Смолин, я тебя убью!

– Вот, – поднял вверх указательный палец я. – Во-первых, девушка обрела право голоса и произнесла заветную фразу, которую я слышу с завидным постоянством, во-вторых, мы наконец-то сошли на «ты».

– Это был мой долг, – хлебнув остывшего чаю, продолжила Виктория. – Мой! Я должна была на себя его принять.

– И чего добилась бы? – хмыкнул я. – Через пару дней это милое дитя с тысячелетним прошлым заявилось бы к тебе в ночной тиши и начало мучать во снах. И вот кому, кроме нее,

от этого хорошо станет? Если хочешь свести счеты с жизнью, я могу подобрать тебе варианты куда поинтереснее.

– Но теперь с тебя за сделанное спросится. – Тоненькие брови девушки образовали «домик», на лбу обозначилась морщинка. – Это неправильно.

– За что с меня спросится, это не твоя печаль, – немного грубовато бросил я. – Главное, что с твоих плеч груз упал. Как ты говорила? «Дышать не могу?». Теперь – дыши. Полной грудью.

– Я попробую, – криво улыбнулась девушка. – Правда, не уверена, что получится.

– Ну тут я тебе не помощник. Твоя жизнь, тебе ее и жить.

– Но какая же она жуткая. – Виктория отломила кусочек от печеньки. – Я мару имею в виду. Девочка девочкой, таких на улицах тысячи. А в глазах – ледяной холод. Они как небо зимой.

– Вот-вот, – поддержал ее Вавила Силыч. – А Александр ее сюда, в дом свой, то и дело зазывает. Куда это годится? Да еще и дела с ней какие-то водит. Нельзя такое делать! Нельзя! Беда будет! Коготок увяз – всей птичке пропасть! Вон как в фильме той. Парнишка-то тот, сиротка, сначала не злой был, нет. Но одну глупость сделал, потом другую, а после пошло-поехало. И вот – носа нет, губ нет, одежда – тряпки черные да драные, и змеюка в приятелях.

А, это он о Волан-де-Морте речь ведет. Очень обчеству кино про мальчугана-волшебника понравилось, они все части уже раза три пересмотрели.

– Вот-вот, – встала на сторону подъездного Виктория, не очень понявшая его последние фразы, но зато обрадовавшаяся поддержке. – Еще раз повторю – это было…

– Всё! – припечатал ладонь к столу я. – Дело сделано, тема закрыта. Родька, чайник включи.

Интересно, когда она у меня спросит о том, какой именно долг я вернул маре? Мимо ушей данную информацию пропустить было невозможно, а рефлексы сотрудника отдела 15-К просто обязаны подтолкнуть ее все вызнать.

Однако пока гостья молчала. Пила чай, хрустела печеньем, слушала рассказ Вавилы Силыча о том, как паразиты-подъездные из четырнадцатого дома стянули у них бухту поливочного шланга, прикрываясь тем, что это вроде как им выделили, а не нам, и как теперь их дружная компания под руководством Кузьмича планирует акцию отмщения.

– Ого, второй час, – в какой-то момент сказал я, глянув на экран смартфона. – Давай-ка, Виктория, я тебе такси вызову. Москва пустая, доедешь быстро, даже поспать немного успеешь.

– Я никуда не собираюсь, – как-то очень буднично произнесла девушка. – Разве что в душ. Надеюсь, чистое полотенце и халат у тебя найдутся? Ну или хотя бы футболка.

– Прости? – слегка опешил я, но тут же все понял, и мне эта идея не очень понравилась. – Слушай, если речь о некоей благодарности, которую ты хочешь вот таким образом…

– Глупость какая, – чуть отстраненно объяснила мне гостья. – При чем тут благодарность? Просто на самом деле надо как-то снова начинать жить и чувствовать. Хотя бы попробовать вспомнить, как оно было раньше. Четыре года в тисках памяти – это очень долгий срок, Саша. Невозможно долгий. Сегодня я все долги отдала. Я свободна.

– Так, – закряхтел Вавила Силыч, воспользовавшись возникшей паузой. – И то – пойду я. Права была эта пакость – еще час-полтора, и светать начнет, а дела-то стоят! А ты что застыл? Бегом, гостье полотенце найди! И потом брысь спать! Под раковину, а не под кресло! У, нерюх ушастый!

Он отвесил подзатыльник Родьке, который, открыв от любопытства рот, слушал нашу с Викторией беседу, изобразил немного неуклюжий поклон, адресовав его чародейке, и нырнул в щель между столешницей и плитой.

– Деликатный какой, – мило улыбнулась Виктория. – Знаешь, они очень хорошие, твои друзья. У меня таких нет.

– Мы хорошие, – подтвердил Родька, который уже успел смотаться в комнату и обратно, а теперь протягивал девушке аккуратно сложенное полотенце. – Что есть – то есть.

– И скромные, – процедил я. – Невероятно.

Черт, черт, мне это очень не по душе. Ну да, Виктория мне нравится, и все такое… Но я очень не люблю, когда меня используют, особенно в делах сердечных, в качестве ли «громоотвода», или в каком другом. Не приводит это ни к чему хорошему. Ну да, сейчас нам, возможно, будет хорошо, но вслед за этим непременно наступит завтра. Точнее – сегодня, но не стоит придираться к словам, все всё поняли.

Лично для меня ничего не изменится. А для нее? Кто знает, какие колесики вертятся в женских мозгах, а особенно вот в таких ситуациях? Сейчас, на нервах, на обостренных чувствах, на эмоциях ей видится одна картина. Утром же произойдет переоценка произошедшего, придут раскаяние, стыд, еще какая-то хрень, которой наши милые дамы так любят загружать свою голову, а после плющить ей же наш мужской мозг.

Может, и не случится этого, но кто знает?

А мне терять эту женщину совершенно не хочется. Ни как человека, ни как очень хорошего специалиста в определенной области тайных познаний.

Вот только потом все произошло как-то очень стремительно и обыденно одновременно, разрушив мои логические выкладки и сомнения. Как? Ну а как оно между мужчиной и женщиной бывает? Так и произошло. Тут думать не надо, тут или «да», или «нет».

В моем случае все же прозвучало внутреннее «да», несмотря на все предыдущие мысли. Наверное потому, что нравилась мне Виктория, и ничего с этим не поделаешь. С того первого дня, как я ее увидел. Правда, не ждал, что так карта ляжет, поскольку сначала решил, что не моего поля эта ягода. Да так оно и есть на самом деле, просто жизнь и судьба иногда выкидывают такие коленца, что только диву даться можно. Что диву! Такое сценаристам сериалов с телеканала «Россия» в голову не придет, а уж они затейники еще те!

В общем – как вышло, так и вышло. И пусть все дальше идет так, как идет. К тому же никто не обещал продолжения банкета. Скорее всего, завтра утром эта женщина просто оденется и уйдет из моего дома, чтобы никогда в него не вернуться. Я просто оказался в нужное время в нужном месте, вот и всё.

С этой мыслью я повернулся на бок и уснул.

Точнее – думал, что уснул. На самом же деле оказался там, где кроме моей ноги много столетий ничья не ступала.

А мост-то уже и на развалины не похож. Вон столбики появились на берегу, на них вроде как даже веревки повязаны, которые перилами будут служить. Эдак скоро можно будет и на тот берег перебраться.

Вот только нет у меня охоты туда ходить. Опять там туман густой лежит, на который смотреть немного зябковато. Не физически, а душевно. Есть в нем что-то такое, от Стивена Кинга. Меня в свое время его книга на эту тему очень впечатлила. Даже больше, чем фильм.

Кто знает, что живет в той хмари, которая затянула все пространство, сколько взгляда хватает, и даже частично захватила тихие, недвижимые воды реки Смородины? Проверять точно не хочется.

Зато над теремом Мораны, который окончательно утратил всякую иллюзию призрачности, раскинулось звездное небо. Сама же хозяйка его стояла на крыльце, глядя на меня, и сложив руки на груди. Причем она немного изменилась по сравнению с прошлым разом. На щеках появился румянец, черты лица немного поменялись, сделав ее куда симпатичней, да еще в отдельных местах она стала… Как бы так выразиться… Чуть выпуклее.

– Ну здравствуй, гость желанный, – глубоким голосом, который опять же здорово отличался от того, что я слышал ранее, произнесла она. – Заждалась тебя. Даже думать начала, что не хочешь ты меня видеть.

– Неправда ваша, – возразил я. – Просто навалилось как-то сразу всего и много. Три дня на ногах, от усталости мысли разбегаются как тараканы. А я смотрю, у вас тут ландшафт опять поменялся?

– Что такое «ландшафт»? – насторожилась Морана. – Мне сие слово неведомо.

– Да вон. – Я ткнул пальцем вправо. – Мост подремонтировали, и с той стороны реки туману куда больше стало.

– Навь почуяла, что я пробудилась, – нехорошо сверкнули глаза богини. – И ей весть эта ох как не по нраву. Раньше все было как? Тишина, забвение, покой. Я сплю, она дремлет, и дети ее тоже вечные сны видят. Псоглавцы, босоркуны, планетники, души злодеев в огненных озерах и героев-воинов в курганах – все угомонились, все забыли прошлые подвиги и обиды, все упокоились в Нави. А тут – вон чего. Я пробудилась. А где один встал, там и другие могут проснуться.

– И что тогда? – забеспокоился я.

– Тогда не она будет главной, – пояснила богиня. – Опять придется с кем-то власть делить. Например – со мной. А власть – штука сладкая, ее на всех не растянешь, ее себе целиком забрать всегда охота. Вот она и волнуется, на мой берег поглядывает, гадает, что дальше станется. И тебя, ведьмак, она тоже приметила, не сомневайся.

– Не пугайте меня, – попросил я Морану. – Не надо. У меня там, в моем мире, неприятностей полно, а тут еще это.

– А как ты думал? – рассмеялась богиня, и смех ее прозвучал, как дюжина маленьких золотых колокольчиков. – Неужто Навь не учует родича тех, кого столетиями баюкает? На том берегу, ведьмак, твоих братьев хватает. Еще из тех, из первых ближников Вещего князя. Кого-то он сумел в Ирий вывести, а кто-то навеки тут остался, глядеть бесконечные сны о битвах. Лежат они в сырой земле, в курганах, под багровыми стягами, там, где смерть свою приняли.

– Трогательно, – подал голос я. – И пусть лежат, вечная им память.

– И они, и кони их, и доспехи, – продолжила перечислять Морана. – И мечи. Те, что Олег саморучно из небесного железа ковал, на которые чары наводил и огненные знаки Трибога накладывал, чтобы сталь эта разила любую нечисть и нежить, не встречая преград и препонов. А уж как тех клинков колдовское да ведьмино семя страшится!

Вот же стерва!!! Хитрая, умная, расчетливая стерва!

– Еще раз про меня такие слова подумаешь, я осерчаю, – деловито предупредила Морана. – Сильно осерчаю, не посмотрю, что ты мне люб.

– Вы о чем? – выпучил глаза я, придав лицу как можно более идиотское выражение. – Ведь ничего такого и не помышлял!

– Я думы людские, как раньше, читать не горазда пока, – ласково произнесла Морана. – Но по лицу твоему все поняла. Отож! Лучше ответь – что, княжий воин, возжелал один из мечей заполучить?

– А то нет? – фыркнул я. – Конечно! Только все равно это невозможно, как минимум по трем причинам. Первая – на тот берег, насколько я понимаю, ходу мне нет. Вторая – пойди найди там нужный курган. И третья, самая главная – меч-то тут, а я-то там, в своем мире. Вот и что зря мечтать?

– Где курганы те – мне ведомо, – с достоинством ответила богиня, спускаясь с крыльца и подходя к своему пню-трону. – И меч, если он тебя признает, ты заполучить сможешь наяву, поверь. Но вот на тот берег тебе и правда пока ходу нет. Сунься ты туда – навеки останешься в Нави, не отпустит она тебя назад. Ни на мой берег, ни в твой мир. Закружит во мгле, закрутит, и ходить тебе по сонным лугам и лесам до конца времен.

– Не хочу, – снова глянул я на клубы тумана. – Меч – это здорово, но если так, то лучше уж без него.

– Если только… – лукаво продолжила богиня.

– Если только вы не составите мне компанию, – закончил я. – Это понятно. А составите вы мне ее тогда, когда сил наберетесь. А чтобы силы были, мне надо вам еще душ подогнать. Ничего не забыл?

– Как-то так, – кивнула Морана. – И еще раз говорю тебе, ведьмак – не забывайся. С богиней говоришь, не с блудной девкой.

– Извините, – шмыгнул носом я. – Замотался просто сильно, вот и несет меня по кочкам.

– Но мыслишь ты верно. – пальчики Мораны выбили дробь из подлокотника. – Я должна быть готова к тому дню, когда Навь решит, что я ей помеха, и пошлет своих детей вернуть все на свои места.

– В смысле – убить вас?

– Упокоить, – поправила меня богиня. – Лишить тех крох, что мне удалось себе вернуть, разрушить терем, забрать книгу. И если так случится, то ты, ведьмак, останешься один на один с миром Ночи, я не смогу тебе более помогать.

Ну тут вопрос спорный, кто кому нужнее. Хотя, ради справедливости, если бы не ее книга, из которой я узнал заклинание огня, то пиявец сожрал бы мое сердце. Да и вообще, эта богиня хоть особа и вздорная, но интересная.

Вот только я для нее не менее полезен, чем она для меня. А то и посильнее. Она это прекрасно знает, а потому ведет переговоры по старинной формуле «это не ты мне нужен, а я тебе». Во времена князя Олега такие штуки, возможно, и срабатывали, тогда народ попроще был. Ну и божественный авторитет на них давил. Только меня на такие примитивные заходы не возьмешь, я на запросы Росфинмониторинга отвечал так, что они их принимали и последующих уточнений не требовали. А Моране до этих организаций, как до Луны на тракторе – и по степени влиятельности, и по степени возможного причиняемого вреда.

– Так всегда, – снова выкатив глаза, заверил ее я. – Как только – так сразу же. Вот, представилась возможность, добыл желаемое. Если еще случай подвернется, его тоже не упущу.

– Хорошо, – благосклонно кивнула богиня, но в глазах ее я уловил какой-то недобрый отблеск. – Тогда скажи мне, ведьмак, почему мне достались ошметки какого-то недоучки-колдуна, а моя чернавка получила нетронутую человеческую душу?

– Ваша – кто? – не понял я.

– Служанка. Из тех, кого вы зовете «марами». – Морана встала с кресла, выпрямилась, и на секунду мне показалось, что над ее головой заклубились черные снежные тучи. – Ответь мне, ведьмак, как так вышло, что богине бросают объедки, а какой-то пустой нежити, которая под корягами ютится, накрывают богатый стол? Я жду ответа!

Глава пятая

Как ни крути, а ситуация-то сложилась поганенькая. Даже не так. Некрасивая она получилась, вот что я вам скажу. И в первую очередь оттого, что Морана права. Все так и есть. Ей я подогнал невесть что, в полном смысле по пословице: «на тебе, убоже, что нам не гоже», ну а маре – здоровяка Руслана. Почему здоровяка? Знаю я, как он и ему подобные за собой следят, потому что жить им хочется долго-долго. Не у всех, правда, выходит, на радость части российского народонаселения, которое в подобных случаях обычно приговаривает: «богатые тоже плачут». Хотя, если по чести, в иных случаях это вполне оправданно, потому как не всякое состояние имеет в своей основе только разум и труд его заработавшего. На такой грязи люди, случается, «поднимаются», что волосы дыбом встают, и тут кроме как «туда ему и дорога» ничего не скажешь.

Ладно, не об Арвене речь, тем более что такового уже и в живых-то нет. Если эта грозная красавица в курсе, что его душа уже не его, то, выходит, мара свое дело уже сделала.

А для меня теперь главное – не признавать правоту Мораны. Если чуть-чуть прогнешься – все, ты уже проиграл. Тут не суд, апелляцию не подашь, не прав – плати, вот и все разговоры. Хотя, разумеется, на прямой конфликт нарываться тоже не следует. Мне с этой дамочкой еще долго общаться придется, очень от нее пользы много получить можно. Пусть даже и взаимообразной.

– Есть такое, – смело взглянул я на повелительницу ночи. – Согласен. Только в вину мне это ставить не следует.

– Это как же так? – немного опешила хозяйка терема, как видно, не привыкшая к тому, что обвиняемые держатся с такой наглостью, при этом отрицая очевидное. – Говори, говори, да не заговаривайся!

– Покон есть Покон, – нахально заявил я. – Его даже богам не перепрыгнуть. За мной значился долг перед вашей… э-э-э…. воспитанницей. Я при свидетелях обещал ей отдать человеческую душу, что и сделал. Знаю, что вам она нужнее, но и вы меня поймите – слово-то держать надо? Тем более что мары девушки нервные, всё время голодные. Они подождут, подождут, да и возьмут своё натурой с должника. С меня, то есть. И кому от того хорошо станет?

Славная, однако, штука Покон, здорово его наши предки выдумали. Всё на него свалить можно.

– Нелепица какая! – чуть искривился рот богини. – Они не посмеют тебя тронуть. Мир стал другим, верно, но для моих порождений прошедшие столетия ничего не изменили. Моя воля для них по-прежнему основа основ.

– Это вы так думаете, – парировал я. – Нет-нет, оно, скорее всего, так и есть. Но мне лично это неизвестно, потому что я продукт другой эпохи и не знаю, насколько были широки пределы вашей силы в былое время. Зато точно знаю, что именно ваши слуги могут сотворить с человеком. Сам видел. И оказаться в «дурке» или на погосте после встречи с ними не желаю. Потому честно вернул долг, как к тому предписывал закон самосохранения и, самое главное, Покон.

– Много воли взял, ведьмак! – громыхнул, как удар грома, голос богини. – Не забывайся! Я – Морана, хозяйка северных ветров, ночного мрака, и всего, что в нем обитает!

– И просто красавица, – добавил я, осознавая, что если сейчас хоть на шаг отступлю, то потеряю все, чего добился в общении с этим существом. Она прессингует, это ясно как день. Нет, и злится тоже, не без того, но ярость вторична. Главное – сломать волю, перевести меня из разряда равных переговорщиков в категорию слуги. – Вам так идет гнев! Смотрел бы и смотрел!

Интересно, а если она меня тут убьет, я там, в своем мире, помру? И переименуют ли мою улицу после этого в «Вязовую»?

Замолчала богиня, о чем-то задумалась, после уселась обратно на трон.

– Еще раз позволишь себе такое – буду куда сильнее гневаться, – деловито заявила мне она. – Ух, как буду неистовствовать!

– Так дайте мне номер своего «мобильника», – предложил ей я. – Если что – сразу наберу, проконсультируюсь, чего мне можно делать, чего нет.

– А? – левая бровь Мораны недоуменно приподнялась. – Ты о чем, ведьмак? Или насмехаешься надо мной?

Ну не без того. Но в подобном, конечно же, сознаваться не стоит. А вот объяснить ей на пальцах принцип работы сотовой связи стоит. Чтобы она получше поняла, как далеко мы, люди будущего, ушли от посконно-домотканных основ древнего бытия. Не в смысле «лучше-хуже», предки, думаю, не дурнее нас были, а в принципе. Нет в нашем нынешнем мире места гневу богинь, вот какая штука. Не верим мы в него. А когда нет веры, то нет и страха.

Я вот Морану совершенно не боюсь. Серьезно. Ни капельки. Утерять связь с ней – опасаюсь, мне нужно то, что скрыто в ее книге. Ну и рассказом о мечах дружинников князя Олега она меня зацепила.

А вот весь этот перформанс с громом и молниями… Шапито, да и только.

Хотя год назад, может, и струхнул бы. Я тогда еще впечатлительный был, ничего почти не понимал.

– Хитро, – прониклась Морана. – Вот такая коробочка, говоришь? И можно хоть с кем поговорить?

– Ну отсюда вряд ли. – Я глянул на туман над Смородиной. – А в нашем мире – запросто. Так что, выходит, все решения придется самому принимать, как раньше. На свой страх и риск.

– Ты бы Олегу по душе пришелся, – откинулась Морана на спинку трона. – Он любил хитрых и непокорных. Гонял их больше других, но держал всегда близ себя, зная, что в лихую минуту эти не дрогнут и не предадут. Ты прощен, ведьмак, я более на тебя не гневаюсь. Но не испытывай мое терпение впредь. Ясно ли?

– Предельно, – отозвался я. – Да и не предвидится больше ничего такого. С долгом я рассчитался, новый не планирую.

– Если что от мар понадобится, вели им моим именем, они выполнят, – бросила богиня. – И взамен ничего просить не станут.

– А если? – Я шаркнул ножкой и лукаво взглянул на собеседницу, не завершив вопрос.

– Ежели не восхотят, в мире твоем мар более не станет, – верно поняла меня богиня. – Смуту надо сразу давить, ровно клопа в перине, или гореть твоему дому вскоре как лучине. Когда слуга знает, что хозяин чрезмерно добр, тогда он перестает быть слугой.

Врет. Вот тут точно врет. В старые времена, может, что-то подобное она и устроила бы, но сейчас – вряд ли. У нее слуг осталось всего-ничего, станет она из-за какого-то ведьмака последних уничтожать? Но сделаю вид, что поверил. И поблагодарю от всей души, как полагается. Я, что хотел, продемонстрировал, она меня услышала – чего зря в бутылку лезть?

Интересно, а она с душ, что мары к рукам прибрали, свой процент имеет? Десятину, так сказать? Или нет?

Но спрашивать не стану. Мне от этой информации ни жарко ни холодно.

– Что касаемо награды, – весомо произнесла Морана. – По правде, не заслужил ты ее, ведьмак, но я не только грозна, но и добра. Добра к тем, кто моему сердцу мил, а ты, уж не знаю как, сумел в него пробраться. Сама тому удивляюсь!

– Отрадно слышать! – смахнул я из края глаза несуществующую слезинку. – Матушка-богиня.

– Нет, может, и правда тебя убить? – топнула ножкой в сафьяновом сапожке о землю Морана. – И будь что будет?

Ну да, перегнул я палку, согласен.

– Больше не стану, – приложил я руку к сердцу. – Честно-честно! Оно само!

– Само, – проворчала богиня. – Само – это когда у теремной девки живот до носа вылезает, а мужа нет и не было. А ты, поганец эдакий…

– Чем наградите? – перебил ее я, не желая выслушивать вторую серию упреков. – Правда интересно!

Морана глянула в серое небо над своей головой, как бы спрашивая у него, почему из всех обитателей мира ей достался именно я, а после взмахнула платочком, который извлекла из широкого рукава платья.

Миг – и на ее ладони лежит хорошо знакомая мне книга. Ого. Теперь она и так может делать?

– Здорово! – не стал держать эмоции при себе я. – А можно спросить?

– Ну? – с сомнением разрешила собеседница, как видно, более не ждавшая от меня ничего умного или пристойного.

– В детстве читал, как одна гражданка такие же штуки устраивала. Или мультик видел? Не помню. Не важно, – затараторил я. – Так вот она в один рукав вино выливала, в другой кости забрасывала, потом ими, рукавами в смысле, махала, и эти пищевые отходы в лебедей и водоем превращались! Вы так можете?

– Что за чушь? – поморщилась богиня. – Кости – в лебедей? Так не бывает!

– Н-да, – почесал я в затылке. – То есть если лягушку на болоте поцеловать, она не превратится в умницу и красавицу? Ну не всякую, естественно, лягушку, а ту, что зачаровали? Я как-то так и думал.

– От целования с лягушками только бородавки на губах могут статься, – постучала себя по лбу пальчиком богиня. – Какие красавицы на болоте могут обитать? Кикиморы да трясинницы – это да. Но их красивыми даже после чрезмерного винопития не назовешь! И уж тем более умными.

– Так и знал, что сказки врут, – печально подытожил я. – Экая досада!

Что примечательно – я не придуривался. Мне на самом деле было очень интересно найти ту границу, где заканчивались легенды и предания, и начиналась суровая реальность. Пока она была размыта, к тому же иногда все оказывалось совсем не тем, чем казалось. Но почему бы не спросить?

– Любите вы, люди, придумывать всякую небывальщину, – вздохнула Морана. – А то, что под носом, никогда не замечаете.

– Это да, – признал я. – Кстати, хотите, расскажу, как Юрий Гагарин в космос летал?

– Кто? – тряхнула головой Морана, и в этот момент я заметил, что в волосах ее блеснула совсем маленькая червонно-золотая корона, которой там раньше вроде бы и не наблюдалось. – Куда?

– Первый космонавт. – Я ткнул пальцем в небо. – Вон туда. Он на Землю сверху смотрел, на всю сразу. Это на предмет наших людских придумок и небывальщины.

Богиня помолчала, а после раскрыла книгу. Так я и не понял – осознала она, о чем я речь веду, или нет? Объяснение-то путаное вышло, кривенькое.

– Сюда иди, – скомандовала она, перелистнув десяток страниц. – Вот, запоминай. Хорошее заклинание, надежное. И – очень старое. Его мне одна берегиня поведала, из первых, из тех, что Рода сидящим на дереве в виде сокола застали, и по его велению реки да озера заселяли рыбой и прочей живностью.

– Ишь ты! – проникся я. – Верно всё же говорят, что русалки не так просты, как про них все думают.

– При чем тут русалки? – недовольно отозвалась Морана. – Я тебе толкую – берегиня мне его поведала. Берегиня! А, что воду в ступе толочь, ничего вы не знаете, человеки. Как звери дикие живете одним днем, беспамятные и бесполезные.

Жаль, смартфона с собой нет, я бы поставил в органайзер «напоминалку» о том, что надо разузнать всё что можно о берегинях. Кто такие, где живут, как до них достучаться. Ну а то, что я глупость сморозил, уже и самому ясно – какими бы ни были умницами русалки, заклинаний они точно не знают. А вот берегини как раз наоборот. И тем они мне могут быть очень полезны.

В верности данного вывода я убедился сразу же после того, как ознакомился с заклинанием. Хорошая штука! Вроде бы пустяк – формула зачарования куска ткани (который в книге именовали «плат»), на хранение в нем некоего объема воды.

То есть – берется, скажем, носовой платок, над ним проводятся определенные манипуляции, благодаря которым он впитывает в себя изрядное количество влаги, оставаясь при этом сухим. Ну а после, при необходимости, над этим кусочком ткани произносится слово-активатор, и вода одномоментно выплескивается туда куда нужно.

Повторюсь – вроде бы ерунда. И или речь о паре-тройке ведер, так оно и было бы. Но здесь количество поглощаемой влаги измерялось тысячами этих ведер. Точнее не скажу, но фраза «и платом тем цельный колодезь вычерпала досуха, да так, что тамотко и ключ иссяк» наводит на мысли об объемах трюмов нефтеналивных танкеров. Правда, я не очень представляю, сколько в эти трюмы влезает, но, наверное, очень много.

В таком количестве воды слона утопить можно. Или еще кого, при необходимости. Случаи – они разные бывают.

К слову – о сказках. Что-то такое я тоже читал, в своем милом, мирном и ясноглазом детстве. Там кто-то от кого-то убегал, таким платком махал. И другие предметы там фигурировали.

Точно надо не забыть все, что только можно, о берегинях разузнать. И моего нового приятеля Олега на их счет потеребить. Вода – его профиль, и все, что в ней обитает, тоже.

Еще мне был подарен рецепт зелья «кое дозволяет некое время лихо бегать, не боясь сердечную жилу надорвать». Я теперь могу марафонцем заделаться, если чего, и ни один антидопинговый комитет до меня не доколебется. Хотя, с другой стороны, им законы не писаны, не в допинге обычно дело, а в мировых конъюнктурах. Вот только одно непонятно, – «некое время» – это сколько?

А вообще, Морана мне только что очень четко дала понять, что количество выдаваемых знаний напрямую будет зависеть от моих личных поступков. Нельзя сказать, чтобы я получил от нее в дар какую-то дребедень. Но и серьезным козырем ее подарок не назовешь. Эти два рецепта полностью эквивалентны полубесполезной душонке «пиявца».

Интересно, что бы она мне дала за Арвена?

Собственно, на этом наша встреча и закончилось. Взмах руки, блеск кольца на безымянном пальце богини – и вот я лечу в черноту, которая называется «сон».

Жаль. А я хотел бы еще пообщаться. О чем? О курганах, что спят на том берегу реки Смородины, и о мечах давно умерших героев. Ну очень заинтересовала меня эта тема. Как и то, что меч отсюда можно каким-то лихим образом перетащить в наш мир.

С этой мыслью я и проснулся. За окнами начинался новый день, а рядом, тихонько сопя, лежала Виктория, лицо которой во сне потеряло привычную отстраненность и холодность.

Красивая она все же. Хотя, конечно, зацепила она меня не этим. Чем тогда? Не знаю даже. Может, тем, что в отличие от других моих знакомых женского пола именно она ближе всего к миру Ночи находится? Остальные в Дне живут, а Виктория застыла в своем давнем горе где-то посередине между тем и другим.

– Сколько времени? – моментально перейдя от сна к яви, спросила у меня она. Такое ощущение, что почувствовала, что я на нее смотрю.

– Прах его знает, – отозвался я и снова глянул в окно. – Часов семь или около того.

– Эта… – подал голос Родька, отиравшийся около двери в комнату. – Восьмой час уже. Кофий варить, или чайку попьете?

Относительно недавно мой слуга наловчился обращаться с «туркой», посмотрев то ли какое-то кулинарное шоу, то ли рекламу телемагазина. Сам он эту «горечь окаянную» не употреблял, но не козырнуть своими новыми умениями перед свежим человеком не мог. Тщеславен мой мохнатый друг, не без того.

– Буду признательна. – Девушка откинула одеяло и поднялась с кровати. – Саш, если ты не против, я первая в ванную схожу. И еще – такси мне вызови.

– Да бога ради, – согласился я, не без удовольствия созерцая практически идеальные формы сотрудницы Отдела, которую это, похоже, совершенно не смущало. – Как скажешь.

– На через полчаса, – уточнила Вика и чуть скривилась, набрасывая на плечи халат. – Какая жуткая фраза вышла. Но зато – точная. Всё, я в душ.

К моему великому удивлению, Родька, не приветствующий незваных гостей женского пола в моем доме, расстарался на славу. Это даже навело меня на нехорошие мысли.

– Надеюсь, ты ничего не подмешал в еду? – с недоверием потыкал я пальцем в сторону накрытого стола. – Смотри у меня.

– Как можно? – даже запыхтел слуга от обиды. – И в мыслях не было!

– А с чего тогда… – Я пощелкал пальцами, подбирая слова. – Это изобилие?

– Так я ж с пониманием! – засыпал кофе в турку Родька. – Чародейка же у нас в гостях! Она и Покон ведает, и вежество. Не то что иные разные свиристелки рыжие, которые только жрать горазды. Эдакой хозяйке любой услужить рад.

И он лукаво сверкнул своими глазами-пуговками.

Эх, Светка, Светка, пал последний твой форпост в моем доме. Теперь нам точно не быть вместе.

Я ухватил со стола кусок хлеба, плюхнул сверху колбасы и, плюнув на вызов такси, с удовольствием его сжевал. Утро, они быстро приедут. За первым бутером последовал второй, и только после этого я отправился в комнату за смартфоном. Правда, позвонить никуда не успел, поскольку именно в этот момент раздался звонок в дверь.

Все-таки я здорово расслабился в последнее время. Самоуверенность и ощущение силы, которая мне подчинилась, меня здорово испортили. Раньше я всегда смотрел в дверной глазок, а тут просто щелкнул замком, брякнул ключами и распахнул дверь.

– Дрыхнешь? – задорно поинтересовалась у меня бодрая до невозможности Мезенцева, влетая в коридор. – А, нет, завтракаешь. Очень кстати, я голодная как волк! И кофе пьешь? Я тоже хочу!

Скрипнула дверь, ведущая в ванную комнату, и нас в коридоре стало трое.

– Так, – ошарашенно произнесла Женька через пару секунд, переводя взгляд с меня на Викторию, поправляющую волосы. – Это как?

– Хозяйка, – выкатился под ноги чародейке Родька, который, разумеется, сразу понял, что тут к чему, и с поклонами затараторил: – Стол накрыт, кофий сварен. Ты поспеши, а то ён остынет.

А следом за этим, не обращая внимания на новую гостью, еще и начал ножкой шаркать, паршивец такой, точно давая понять, что он-то знает, кто в доме не лишний.

– Ситуация из примитивных романов, – усмехнулась Виктория. – Никогда бы не подумала, что стану участницей чего-то подобного. Потому просто пойду пить кофе, поскольку говорить тут не о чем. Смолин, ты вызвал мне такси?

– Как раз собирался, – помахал я смартфоном, который держал в руке.

– Ну так давай, давай, – поторопила меня девушка и направилась в кухню, ни сказав Мезенцевой ни слова.

Мне Женьку, если честно, даже как-то жалко стало. Просто такое у нее обиженное лицо стало, прямо как у ребенка. Не думаю, что непосредственно я представлял для нее какую-то ценность в качестве спутника жизни, нет, скорее, являлся чем-то вроде временной забавы, как, впрочем, и она для меня. Но сам факт того, что коллега, не сказать – подруга, подложила ей такую свинью, для самолюбивой и где-то даже эгоистичной Женьки был нестерпим.

– Прежде чем ты начнешь орать и бросаться не самыми красивыми словами в наш адрес, хочу тебе напомнить, что некто А. Смолин, ведьмак, не твоя личная собственность, – негромко, но по возможности веско произнес я. – Никто никаких обещаний друг другу не давал, не так ли? Более того, ты с завидной периодичностью вдалбливала мне в голову, что мы друг другу никто. Так часто, что я это отлично усвоил.

– Ну да, ну да, – процедила Мезенцева, засовывая большие пальцы рук под широкий ремень, продетый в петли ее джинсов. – Что еще?

– Всё, – пожал плечами я и уставился на экран смартфона. – Вот, такси буду Вике вызывать.

– Не всё, – пообещала мне девушка. – Ой, не всё, Смолин.

– Слушай, Мезенцева, давай обойдемся без этих постпубертатных закидонов, – попросил я ее. – Мы тут все взрослые люди, никто никому ничего не должен в принципе.

– Очень верно сказано, – заметила из кухни Виктория. – Лучше идите завтракать. Вон Родион как расстарался. Просто «шведский стол».

– Спасибо, хозяйка, – очень громко и очень показушно мурлыкнул мой слуга.

Женька прищурилась, заглянула в комнату, увидела, что на обычном месте нет фотографии Светки, свирепо засопела и вылетела из квартиры, на ходу сообщив, что:

– А тебе, мохнатый, я этого точно не спущу!

И дверь с грохотом за собой захлопнула, да так, что чуть нож из притолоки не вылетел.

– Теперь будет месяц дуться, – сообщила мне чародейка, как только я уселся напротив нее. – Не меньше. Она очень, очень славная девочка, но до невозможности упертая. Или так – или никак, понимаешь? Максимализм, возведенный в принцип. Я до сих пор поражаюсь тому, как Нифонтов за годы работы с ней с ума не сошел.

– Побольше поплачет – поменьше пописает. – Я положил на кусок хлеба ломтик колбасы.

– Женя – и будет плакать? – губы Виктории тронула улыбка. – Не надейся, такого не случится, это не из ее сказки. Да и вообще ты про нее с этой минуты можешь забыть, она больше к тебе никогда не придет и не позвонит. Ты ее предал.

– Я?

– Ты, – подтвердила девушка. – На самом деле, ничего такого не случилось, просто мужчина и женщина провели вместе ночь без каких-либо перспектив на будущее, это обычное дело. А для нее это предательство, которое нельзя прощать. Детство из нее ее не ушло окончательно, понимаешь? Меня, если честно, всегда это немного беспокоило, я даже Ровнину советовала снять ее с оперативной работы. Она не различает линию риска, для нее адреналин и действие стоят на первом месте, а это верный путь к смерти. Олег Георгиевич, правда, меня не послушал, сказал, что раньше или позже она перебесится.

– Значит, без перспектив, – произнес я. – Жаль. Правда – жаль.

– Это единственный возможный вариант, – не стала уходить от темы Виктория. – Ты ведьмак, Саша. Если Мезенцева по своему прекраснодушию на что-то и надеялась, то я всё же реалистка, потому прекрасно осознаю, что данный путь ведет в никуда. Родион, благодарю вас за завтрак.

– На здоровьичко! – пискнул мой слуга из-под раковины.

Смартфон подал голос, но вместо ожидаемого абонента «Такси «Комета»» на экране высветился номер Вагнера.

– Петр Францевич, – ответил я, и Вика, уже было почти ушедшая в комнату, остановилась. – Доброе утро.

– Доброе, Александр, – невесело произнес владелец клиники. – Подумал, что вам будет интересно узнать о том, что сегодня ночью Руслан Арвен умер.

– Если честно – не очень, – равнодушно произнес я. – В первую очередь потому что другие варианты были невозможны.

– Я был рядом с ним, когда это случилось, – почти шептал в трубку собеседник. – Не знаю, что он видел перед самой смертью, но это было очень, очень страшно. Такое ощущение, что он пытался от кого-то спастись. Руслан – сильный человек… Был. Даже в таком состоянии он пытался бороться с тем, что за ним пришло, но проиграл. Еще он бормотал что-то на своем языке, кого-то звал, имена разные называл.

– Достойно уважения, но это все не имело смысла. Он проиграл войну за свою жизнь куда раньше. – Осознав, что именно хочет от меня услышать Вагнер, я решил его успокоить. – И не волнуйтесь, Петр Францевич. То, что забрало жизнь вашего пациента, не осталось в клинике, и более таких смертей ждать не стоит. И вам лично тоже ничего не угрожает. Это же не атомная бомба, право слово.

– Спасибо. – По голосу было слышно, что врачу стало куда легче. – Да, вот еще что… Тут приезжал отец Арвена, разговор с ним вышел крайне нелицеприятным. И вас он тоже поминал недобрым словом, имейте в виду.

– А меня-то за что? – удивился я.

– Вы последний из врачей, которые его смотрели, – пояснил Петр Францевич. – По его логике, именно вы во всем и виноваты. Разумеется, на пару со мной. Так что вы уж поосторожней будьте. Мало ли что. Я им ничего про вас не стал рассказывать, но Москва город маленький, а возможности семейства Арвенов не так уж малы. Захотят – найдут.

– Ну-ну, – хмыкнул я. – В этом случае данное семейство уменьшится еще на пару человек, вот и всё.

– Права была Яна – с вами лучше дружить и договариваться, чем пытаться чего-то добиться силой, – пробормотал Вагнер и повесил трубку.

Ну да, конечно. Только для осознания данного факта мне его супругу сначала пришлось отдать на забаву одной из сестер-лихоманок.

Кстати – надо будет попросить Олега, чтобы тот через пару-тройку неделек Вагнера хорошенько пуганул. К примеру – лежит тот в ванной, в кораблики играет или пузыри пускает, и тут из-под воды рука высовывается, машет указательным пальцем и голос жуткий голос ему сообщает:

– Помни про должок.

Вряд ли Петр Францевич смотрел наши старые фильмы-сказки, потому аналогию не проведет. А как средство устрашения это сработает отменно. Я бы испугался.

– Готов? – жадно уточнила Виктория. – Да?

– Испустил дух в муках и смраде, – подтвердил я. – Если тебе интересно – мара сдержала слово. Перед смертью Арвен называл какие-то имена, думаю одно из них было «Герман».

– Я довольна, – чуть обмякла Виктория. – Только теперь внутри меня как-то совсем пусто стало. Жить незачем.

– И эта женщина еще в чем-то пытается обвинить Мезенцеву, – фыркнул я. – Такую дурь даже Женька не выдаст. Самой не совестно?

– Нет, – прислушавшись к себе, сообщила Виктория. – Не слишком. Телефон звонит, такси, скорее всего, пришло.

Так оно и оказалось. Через пять минут девушка покинула мою квартиру, оставив после себя лишь легкий запах терпких духов.

– Хорошая она, – сообщил мне Родька. – Ежели сюда переберется – то славно заживем, хозяин. Силы в ней много, я это чую. И умом не обижена, не то, что некоторые.

– А как же Светка? – не удержался от колкости я.

– Так твоему сердцу я не указ, – вздохнул мохнатик. – Она, конечно, хозяйкой хоть куда была бы, и машина у нее новая есть, я в окно видел. Но что уж теперь уж…

Машина – это для Родьки серьезный аргумент. Он давно оценил удобства автомобилей и осознал их превосходство над электричками, потому время от времени теперь строит тонкие намеки на тему того, что, мол, хозяин, не купить ли нам машинку? Причем не абы какую, а «внедорожник», ну или хотя бы «кроссовер». Мало того – он повадился в чьей-то квартире по спутниковому телевидению «Топ Гир» смотреть!

Еще чуть-чуть, и я начну опасаться того, что он подастся к метросексуалам или начнет посещать барбер-шоп.

Жуткое название, кстати. Вроде бы всего-то брадобрейня, но как страшно звучит – «барррберррр-шопппп». Бррр….

Что же до Арвенов, и иже с ними – тут особо и думать нечего. Флаг им в руки, ветер в спину, электричку навстречу.

Да, об электричках. Надо валить из города, нечего мне тут делать больше. Амурные дела закончены, работы у меня, по сути, больше нет, а в Лозовке забот полон рот. Ремонт, посевная, сбор трав. Вторая русальная неделя, опять же, на носу.

Короче – заскочу в банк, скажу девчулям, что я увольняюсь, отдам заявление в отдел кадров, закуплюсь всем необходимым – и в глушь, в деревню.

Но, в полном соответствии русской народной поговорке о планах и божественном промысле, который на них воздействует, все прошло не так гладко, как задумывалось.

В первую очередь потому, что госпожа Ряжская оказалась в банке. Уж не знаю – меня ли она ждала, или просто звезды так на небе встали, но – увы и ах.

– Смолин! – чуть ли не сразу после того, как я вошел в здание, меня цапнула за рубаху новый секретарь Волконского, очаровательная кареглазая стройная девушка, которую весь рабочий персонал сходу стал называть Юленькой. – Ты чего? Почему в таком виде? Почему через главный вход? Ты же знаешь, правилами внутреннего распорядка строжайше запрещено…

– Да я пропуск потерял, – честно ответил ей я. – Искал – не нашел.

И это была чистая правда. Фиг его знает, куда эта карточка завалилась. В сумке ее нет, в карманах тоже. Что до внешнего вида – ну да, без пиджака. Но не в джинсах же, и не в шортах? Хоть и был соблазн.

– Я фигею, дорогая редакция! – Секретареныш даже рот раскрыл от изумления. – Тебя же за пропуск безопасники сожрут! Или вообще уволят. Может, даже «по статье»!

– На то и рассчитываю, – тихонько щелкнул я Юленьку по носику. – Пойду сдаваться. Может, без «статьи» обойдется. Генка тут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.